

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

ПОПУЛЯРНАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

АМНЕЗИЯ	НЛП
АГРЕССИВНОСТЬ	ТЕСТ ЛЮШЕРА
АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ	ФРУСТРАЦИЯ
ОДИНОЧЕСТВО	ХАРИЗМА
ПЕРФЕКЦИОНИЗМ	ФОБИИ
БРЕЙНСТОРМИНГ	КОМПЛЕКС ИОНЫ

Сергей Степанов

**Популярная психологическая
энциклопедия**

«Автор»

Степанов С. С.

Популярная психологическая энциклопедия / С. С. Степанов — «Автор»,

Эта энциклопедия призвана совершить то, что не под силу серьезным академическим изданиям: снабдить всех, кто интересуется теоретическими и практическими аспектами психологических знаний, точными и универсальными инструментами, собранными почти за два столетия существования и развития психологической науки. Выработка единой, понятной всем (и профессионалам, и любителям) терминологии, четкое объяснение специфических тем, традиционно вызывающих неоднозначное толкование, точная формулировка базовых определений, знание ключевых фактов биографий звезд мировой психологии – все это делает энциклопедию необходимым и востребованным изданием на рынке многообразной и слабо систематизированной психологической литературы. Совокупность содержащихся в энциклопедии знаний не только поможет вам расширить эрудицию, но и научит более проникательно наблюдать окружающий мир, лучше понять людей и себя. Материал в книге представлен в виде статей, расположенных в алфавитном порядке, и ее можно читать с любого места, выбрав наиболее заинтересовавшую вас тему.

© Степанов С. С.

© Автор

Содержание

Предисловие автора	5
А	8
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Степанов

Популярная психологическая Энциклопедия

Предисловие автора

*Определяйте значение слов, и вы избавите человечество от
половины его заблуждений.*

Рене Декарт

Во всем мире книги по психологии пользуются устойчивым высоким спросом. Это и понятно: психология как наука о мироощущении и поведении людей, действительно, очень интересна, и многие читатели ищут в трудах психологов ответы на наиболее жизненные вопросы. Но вот беда: ответы, которые содержатся во многих книгах, либо подозрительно примитивны (на уровне житейского здравого смысла), либо очень расплывчаты и туманны, да еще изложены таким языком, который неподготовленному читателю не понять.

Английский писатель Джон Голсуорси метко заметил: «Психология – это попытка выразить словами то, что словами невыразимо». А французский писатель Гюстав Флобер отмечал: «То, что понимают плохо, обычно пытаются объяснить с помощью слов, которых не понимают вовсе». В своих попытках объяснить труднообъяснимое и выразить трудновыразимое психологи придумали множество мудреных терминов, но тем самым, похоже, все окончательно запутали.

В результате книги по психологии четко разделились на два жанра. Это либо поп-психология на уровне кухонной болтовни (излишне говорить, что наукой там и не пахнет), либо «китайская грамота», доступная лишь узкому кругу посвященных.

Серьезный, мыслящий читатель поставлен в затруднение. Первый жанр, хотя иные его образцы бывают небезынтересны, его не удовлетворяет. Второй – труден для восприятия, а порою просто скучен.

Еще одна опасность состоит в том, что сегодня во многих популярных изданиях под маркой психологии публикуется всякий псевдонаучный вздор, не имеющий никакого отношения к этой серьезной науке. Но, похоже, за психологию скоро и станут принимать весь этот вздор, ибо он хоть доступно изложен, а серьезные идеи обычно прописаны в книгах психологов так невнятно и сложно, что кажутся еще большим вздором.

Расставить все на свои места мог бы большой словарь энциклопедического типа, в котором разъяснялись бы непонятные научные термины и вкратце излагались бы основные психологические концепции. Такого рода словари и даже энциклопедии издаются в разных странах, а в последние годы и у нас. Читатели раскупают их охотно, но, увы, нередко бывают разочарованы. Ибо в большинстве своем эти книги написаны... еще более скучно и непонятно, чем остальные. Нередко сложные понятия и термины авторы пытаются разъяснить с помощью таких же или еще более непонятных терминов. К тому же скудные словарные статьи не позволяют составить полное впечатление о живой ткани психологических явлений, о творческих исканиях великих психологов, о ярких, пускай и небеспорных гипотезах. Исправить это положение могла бы по-настоящему популярная психологическая энциклопедия. И создавать ее следовало бы по принципу, сформулированному еще А. Эйнштейном: «О сложных вещах надо говорить как можно более просто, но не проще». Сама эта задача совсем не так проста, как

может показаться. Тем не менее я взял на себя смелость ее решить. То, что из этого получилось, вы и держите в руках.

Замысел издания «Популярной психологической энциклопедии» возник у меня довольно давно, лет двадцать назад. В ту пору я, молодой психолог, пришел на работу в издательство «Советская Энциклопедия» (ныне – «Большая Российская Энциклопедия»). Психолог оказался востребован издательством в связи с тем, что по настоянию академика Б.Ф. Ломова, директора Института психологии АН СССР, намечалось выпустить «Психологическую энциклопедию» наподобие тех, что уже имелись в других областях знания. Безвременная кончина академика Ломова поставила крест на этом начинании. Аналогичная попытка впоследствии предпринималась не менее уважаемым академиком – А.В. Петровским. Она увенчалась созданием... нет, не энциклопедии, а всего лишь «Краткого психологического словаря», одним из авторов которого удалось выступить и мне. А энциклопедии так и нет, если не считать попыток перевода американских изданий.

Годы работы в энциклопедическом издательстве не прошли для меня даром. Пообщавшись с десятками докторов психологических наук, которые приносили в редакцию свои статьи, я убедился, что большинство из них (кстати, люди весьма достойные) пишут невнятно, неинтересно и читать их труды – мука мученическая. В ответ на такой упрек обычно говорят: «А ты бы попробовал сам написать лучше». Попробовал! К настоящему времени написал уже десяток книг – по отзывам читателей, небезынтересных. В том числе и «Психологический словарь для родителей» – сказался энциклопедический опыт.

Все эти годы вызревал замысел создания популярной энциклопедии, накапливались необходимые материалы. Приступить к практической реализации этого замысла я долго не решался: пугала громоздкость поставленной задачи (насколько мне известно, еще никто не пытался написать энциклопедию в одиночку). В конце концов, поощренный доброжелательной заинтересованностью издательства ЭКСМО, я принялся за работу. Вскоре накопленные за долгие годы материалы сложились в этот том. Он, конечно, уязвим для критики и далек от совершенства. Безупречную книгу по психологии (а тем более энциклопедию) вообще вряд ли возможно создать – слишком уж субъективна эта наука. Тем не менее, хочется надеяться, что главную задачу хотя бы отчасти выполнить удалось: заинтересованный читатель с помощью данного издания получает возможность ознакомиться с достоверным психологическим знанием, представленным в энциклопедической форме и в то же время изложенным доступным, «человеческим» языком, а не научным жаргоном. Кстати, этот жаргон, с которым при знакомстве с психологической литературой придется еще встретиться не раз, читатель имеет возможность освоить: многие труднопроизносимые психологические термины получают на этих страницах подробное и, надеюсь, понятное разъяснение. Поэтому, столкнувшись с незнакомым словом, не надо его пугаться. Внимательно прочитайте соответствующую статью, и вы убедитесь, что речь идет о вещах вполне объяснимых и понятных.

В данной книге материал представлен в традиционной энциклопедической форме. В ряде случаев, правда, за термином не следует развернутое определение – оно содержится в нижеследующем тексте. Статьи расположены в алфавитном порядке. Поэтому книгу можно читать с любого места, выбрав наиболее заинтересовавшую тему. Не ошибется и тот, кто примется читать ее подряд, с первой страницы до последней, так как многие термины могут оказаться незнакомыми и не сразу привлекут внимание.

Автор, конечно, отдает себе отчет, что получившаяся книга не является энциклопедией в буквальном смысле этого слова. Представленные в ней статьи неравноценны как по объему, так и по содержанию. Некоторые статьи – сугубо терминологические; они невелики и посвящены лишь разъяснению того или иного понятия. Зато некоторые темы, представляющие для автора особый интерес, – например, психология интеллекта или невербальной коммуникации, – раскрыты очень подробно, даже более подробно, чем это обычно принято в справочных изданиях.

От читателя не укроется и весьма субъективное отношение автора к тем или иным проблемам – отношение, которое обычно не принято выносить на страницы энциклопедии. Однако разумный читатель, вне сомнения, легко сумеет отделить бесспорные факты от субъективной авторской интерпретации, с которой совершенно необязательно соглашаться.

В отличие от традиционных энциклопедий, в данной книге отсутствуют биографические статьи. Тех читателей, кто интересуется научными биографиями выдающихся психологов, их идеями и экспериментами, автор отсылает к другой своей книге – «Век психологии: имена и судьбы» (М.: ЭКСМО, 2003).

По завершении чтения вы значительно расширите свою эрудицию и получите довольно подробное представление о такой интереснейшей сфере человеческого знания, как психология. А возможно – научитесь более проникательно наблюдать окружающий мир, лучше понимать людей, да и себя. Если вам это удастся, автор с удовлетворением будет считать свою задачу выполненной.

А

АБЛЮТОМАНИЯ (от лат. *ablutum* – мыть, смывать + греч. *mania* – болезненная склонность) – навязчивое мытье рук в связи с бредовыми идеями загрязнения, заражения. Наблюдается при неврозе навязчивых состояний и при навязчивостях в рамках шизофренического процесса, особенно часто – при детской шизофрении.

АБСТИНЕНЦИЯ (от лат. *abstinentia* – воздержание) – синдром психических и физических расстройств, наступающих при внезапном прекращении поступления в организм алкоголя, наркотических и токсических веществ и к которым имеется токсикоманическая зависимость. Может наблюдаться и при приеме препаратов, являющихся антагонистами к перечисленным, а также при лечении антидепрессантами.

Сексуальная абстиненция – вынужденное (принудительное или добровольное) снижение половой активности. Может быть парциальной (частичной), при которой человек прибегает к заменителям полового акта, и тотальной, характеризующейся полным отказом от сексуальной активности.

В классическом психоанализе термин используется в ином значении – для обозначения воздержания как одного из правил или принципов аналитической терапии. По мнению Фрейда, специфика психоаналитического лечения требует воздержания от удовлетворения желаний клиента. Правило абстиненции содержит по меньшей мере два требования: во-первых, психоаналитик всегда должен отказывать клиенту, рассчитывающему на ответное проявление сексуальных чувств, в удовлетворении его желания; во-вторых, он не должен допускать слишком быстрого избавления пациента от болезненных симптомов. Несоблюдение правил абстиненции затрудняет или делает невозможным успешное осуществление аналитической терапии. В конечном счете правило абстиненции предполагает ориентацию психоаналитика на длительное лечение, требующее обстоятельной аналитической работы по выявлению и устранению причин внутриспсихических конфликтов, приведших к психическому расстройству.

АБУЛИЯ (от греч. *abulia* – нерешительность) – психопатологический синдром, заключающийся в нарушении волевой регуляции поведения. Наблюдается при некоторых психических заболеваниях (в частности, шизофрении), а также как следствие поражения лобных долей головного мозга. В состоянии абулии больные отличаются вялостью, отсутствием побуждений к деятельности (хотя необходимость тех или иных действий может ими отчетливо осознаваться). Нерезко выраженная абулия иногда наблюдается при неврозах. Постановка диагноза требует различения абулии и слабоволия как следствия неправильного воспитания.

АВТОМАТИЗМ (от греч. *automatos* – самодействующий) – единый непрерывный умственный, речевой или двигательный акт, происходящий без участия сознания. Различают первичные автоматизмы (срабатывание врожденных, безусловно-рефлекторных программ) и вторичные автоматизмы (результат возрастного формирования тех или иных действий, приобретения ими свойств навыка). Физиологической основой вторичных автоматизмов служит образование более или менее устойчивых систем условно-рефлекторных связей между свойствами внешней ситуации и определенной последовательностью операций. Первоначально каждая операция и переход от одной операции к другой требуют сознательной ориентировки. По мере повторения ситуации необходимость в ориентировке отпадает, происходит автоматизация действия. В поле сознания остаются и выдвигаются на передний план цели, ради которых выполняется действие, и условия, в которых оно протекает, а также его результаты.

За счет автоматизации отдельных действий человек получает возможность сосредоточить внимание на качестве выполняемой деятельности.

Ни одно действие человека не бывает полностью автоматизированным, поскольку оно в конечном счете вызывается и управляется сознательной целью. Однако фактически любое действие человека частично автоматизировано благодаря навыкам, так как человек никогда не осознает до конца всех элементов регуляции, исполнения и контроля действия (например, необходимых мышечных сокращений).

Процесс автоматизации является одной из составляющих изменения человеческого действия, детально описанных П.Я.Гальпериным в теории планомерного (поэтапного) формирования умственных действий. Западные исследования автоматизма проводятся, главным образом, в традиции бихевиоризма.

АВТОНОМИЯ (от греч. *autonomia* – независимость, *autos* – сам + *nomos* – закон) – способность личности к самоопределению на основании собственных убеждений. Проявляется в независимости человека от давления авторитета другой личности, группы или социального института. С политико-правовой точки зрения автономия означает суверенность личности как гражданина, ее социальную и юридическую защищенность как субъекта гражданских прав и свобод. В психологии и педагогике автономия рассматривается как индивидуальная позиция человека, которая характеризуется самостоятельностью и независимостью в выборе мотивов, целей, стиля поведения и т. п. Потребность в автономии включена в механизм становления личности – индивидуализацию, предусматривающую формирование человека как самостоятельного, мыслящего и ответственного общественного существа.

АВТОРИТАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ (от лат. *autoritas* – власть) – конкретный психологический тип, обладающий такими чертами, как реакционность, консерватизм, агрессивность, жажда власти. Понятие введено Э.Фроммом, который с его помощью пытался выявить истоки нацизма. Однако, по мнению Фромма, данный тип прослеживается в истории задолго до возникновения фашизма. Типичной авторитарной личностью Фромм считал главу бюргерской Реформации в Германии Мартина Лютера.

По мнению Фромма, в сознании авторитарной личности отсутствует понятие равенства. Мир для такого человека состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, т. е. высших и низших. Типичной иллюстрацией авторитарной личности может служить биография А.Гитлера.

В 1950 г. вышла книга «Авторитарная личность», написанная Т.Адорно с соавторами. Эта работа получила широкую известность, в силу чего авторство термина «авторитарная личность» иногда приписывается Адорно. В ней Адорно описывал данный феномен, исходя из взглядов З.Фрейда на роль ранней социализации. По его мнению, в результате слишком строгого воспитания, когда подавляются чувство обиды ребенка и его агрессия по отношению к родителям, возникает тенденция к их идеализации, с одной стороны, и к переориентации враждебности на замещающие объекты – с другой. Этот феномен был положен им в основу объяснения предубеждений в отношении национальных меньшинств.

В предисловии к книге «Авторитарная личность» немецкий философ Макс Хокхаймер писал, что авторитарная личность – это новый антропологический тип человека, который сложился в XX в.

Э. Фромм

АГАСФЕРА СИНДРОМ. Описан П.Вингейтом (1951) у психопатических личностей с склонностью к употреблению алкоголя и другими наркоманическими тенденциями (в том числе с явлениями медикаментозной наркомании). Больные часто обращаются в различные медицинские учреждения с целью получения препаратов, к которым у них имеется пристрастие. При этом они сочиняют драматические истории о своем заболевании, иногда даже наносят себе ранения для обоснования потребности в наркотиках. Синдром назван по имени Агасфера, мифологического вечного странника, персонажа многих легенд.

АГГЛЮТИНАЦИЯ (от лат. *aglutinatio* – склеивание) – элементарный механизм преобразования имеющихся у человека представлений в процессе воображения; заключается в синтезе, комбинировании («склеивании») разнородных элементов, в результате чего создаются образы объектов, не встречающихся в действительности (например, образы кентавра, русалки и т. п.). В обостренной форме наблюдается при шизофрении (в частности, выступает одним из механизмов образования неологизмов), а также при очаговых корковых нарушениях речи.

Синоним – контаминация.

АГГРАВАЦИЯ (от лат. *aggravatio* – отягощение) – субъективное преувеличение тяжести реально существующего заболевания или дефекта. Нередко выступает симптомом психических нарушений, в частности *психопатий*. Иногда может иметь невротический характер, то есть возникать в результате психической травмы, в частности хронической – при постоянном акцентировании окружающими внимания на дефекте.

АГЕРАЗИЯ (от греч. *a* – отрицательная частица + *geron* – старец) – ощущение молодости в старческом возрасте в связи с недостаточной критичностью к своему состоянию.

Синоним – симптом Феофраста.

АГНОЗИЯ (от греч. а – отрицательная частица + gnosis – познание) – нарушение восприятия, возникающее при поражении коры больших полушарий головного мозга. Различают зрительную (оптическую), слуховую (акустическую) и осязательную (тактильную) агнозию. Больной, страдающий агнозией, становится не способен узнавать предметы и их изображения, а также звуки (в частности, звуки речи). Возникновение агнозии в детском возрасте вызывает серьезные отклонения в психическом развитии. При зрительной агнозии ребенок оказывается дезориентированным в окружающей среде, что может привести к отставанию в умственном развитии. При слуховой агнозии возникают отклонения в развитии речи и как следствие – затруднения в освоении чтения и письма. Корректирующее обучение осуществляется с опорой на сохранные анализаторы.

АГРЕССИВНОСТЬ

Известная книга Конрада Лоренца, изданная в нашей стране под лаконичным названием «Агрессия», в оригинале называется иначе – «Так называемое зло». Сама эта формулировка четко обозначает позицию автора: агрессия, которую *принято считать* злом, на самом деле таковым не является, а выступает естественным, биологически целесообразным механизмом выживания живых существ. На многочисленных примерах автор демонстрирует: напористый агрессор имеет больше шансов добиться своего, а «примиренец», как правило, бывает подавлен, в широком смысле слова использован, даже уничтожен. Такова природа всех живых существ, в том числе и человека, и любые попытки ее переделать обречены на провал. С природой необходимо просто считаться, стараясь направить древние импульсы в приемлемое русло. Хотя последняя задача также представляется практически невыполнимой – на протяжении всей истории человечества она постоянно ставилась, но еще никому не удавалось найти ее безупречное решение.

Противоположную точку зрения отстаивает наш соотечественник В.П. Эфроимсон. По его убеждению, биологически целесообразным приспособительным механизмом является отнюдь не стремление к насильственному подавлению других, а, напротив, альтруистическое стремление оказывать другим поддержку. Культивируя это стремление (главным образом – безотчетно), человек и стал человеком, хотя источники человеческого альтруизма прослеживаются автором еще в животном мире.

Вопрос о том, является ли агрессивность неотъемлемым атрибутом человеческой природы или социально обусловленным извращением этой самой природы, по сей день остается остродискуссионным. Так или иначе, агрессия во все времена выступала важным элементом социального бытия человека, более того – часто составляла для человека серьезную проблему: большинство человеческих бед – это страдания жертв агрессии.

Для психолого-педагогической науки вопрос о природе агрессивности представляет особое значение, поскольку от ответа на него зависит выбор способов гуманизации общества посредством воспитательных воздействий. Если агрессивность изначально присуща человеку, то возможно ли смягчение и подавление этой природной тенденции, направление ее в приемлемое русло? Если условия существования принуждают человека быть агрессивным, то что это за условия и нельзя ли их изменить? Если человек приобретает эту неблагоприятную черту вследствие дурных влияний, нельзя ли нивелировать эти влияния или, по крайней мере, снизить их негативный эффект?

Фактически эти три базовые идеи и лежат в основе трех главных подходов в объяснении природы агрессивности.

Первый объединяет теории, в которых агрессивность трактуется как врожденное, инстинктивное свойство человека (сюда входят разнообразные теории психоаналитического толка, начиная с ортодоксального фрейдистского психоанализа, а также близкие к ним теории этологические).

В рамках второго подхода (отчасти перекликающегося с первым) агрессия описывается как поведенческая реакция на фрустрацию.

Третий составляют концепции, рассматривающие агрессивность как характеристику поведения, формирующуюся в результате научения (бихевиоральные теории). Дабы оценить, насколько практически продуктивным является тот или иной подход, рассмотрим основные положения каждого.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ. ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Основоположником этого подхода является З.Фрейд. На протяжении уже ста лет его теория выступает предметом ожесточенных споров, однако нельзя не признать заслугу Фрейда хотя бы в том, что его трудами агрессия и агрессивность были превращены из темы морализаторских рассуждений в объект научного анализа. Вместе с тем, рассматривая психоаналитические теории, не следует забывать об отмеченном еще И.П.Павловым умении психоаналитиков обращать внимание на важные стороны организации психической деятельности при неспособности адекватно объяснить наблюдаемые факты.

Во многих современных учебниках отмечается, что источником агрессивного поведения в психоаналитической трактовке выступает Танатос – инстинктивное влечение к смерти и разрушению. Однако важно отметить, что эта концепция сложилась в поздних работах Фрейда, а первоначально он придерживался иных взглядов. В своих ранних работах Фрейд утверждал, что все человеческое поведение проистекает, прямо или косвенно, из Эроса, или инстинкта жизни, энергия которого (либидо) направлена на сохранение, упрочение и воспроизведение жизни. В этом контексте агрессия рассматривалась просто как реакция на блокирование либидозных импульсов. Первоначально агрессия как таковая не трактовалась Фрейдом как неотъемлемая часть жизни.

Первым исследователем психоаналитической школы, заговорившим об изначальной природе человеческой деструктивности, была наша соотечественница, соратница Фрейда и Юнга, Сабина Шпильрейн. Еще в ноябре 1911 г. на заседании Венского психоаналитического общества ею был сделан доклад на тему «Разрушение как причина становления», год спустя одноименная статья появилась в печати. Центральная идея этой работы, впоследствии развитая Фрейдом в его поздних теоретических построениях, была сформулирована следующим образом.

Чтобы создать новое, надо разрушить то, что ему предшествовало, то есть во всяком акте созидания содержится процесс разрушения. Инстинкт самовоспроизведения содержит в себе два равных компонента – инстинкт жизни и инстинкт смерти. Для любви и творчества влечение к смерти и разрушению не является чем-то внешним, что загрязняет их и от чего они могут быть очищены. Напротив, влечение к смерти является неотторжимой сущностью влечения к жизни.

Идеи молодой россиянки (действительно, довольно странные для 26-летней особы, если не принимать во внимание весьма своеобразную личность Сабины Шпильрейн) вызвали бурную дискуссию в стане психоаналитиков. Фрейд писал: «Я помню мое собственное защитное отношение к идее инстинкта разрушения, когда она впервые появилась в психоаналитической литературе, и то, какое долгое время понадобилось мне, прежде чем я смог ее принять». Время прошло, и Фрейд в своей знаменитой работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920), написанной им, как часто считают, под влиянием опыта мировой войны и ряда личных потерь, повторил основные выводы Шпильрейн. Он отдал ей должное в характерной для него манере: «В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению, не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений». Юнг считал, однако, что такая ссылка недостаточна и не вполне корректна: идея инстинкта смерти, писал

он, принадлежит его ученице и подруге, а Фрейд попросту ее присвоил. Так или иначе, Танатос считают сугубо фрейдовским термином, тем более что Фрейд, равнодушный к античной мифологии, его и ввел.

По Фрейду, Танатос есть влечение к смерти, чья энергия направлена на разрушение и прекращение жизни. Начиная с 1920 г. Фрейд утверждал, что все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия этого инстинкта с Эросом и что между ними существует постоянное напряжение. Ввиду того что существует острый конфликт между сохранением жизни и ее разрушением, другие механизмы (например, смещение) служат цели направлять энергию Танатоса вовне, в направлении от *Я*. Таким образом, Танатос косвенно способствует тому, что агрессия выводится наружу и направляется на других. На этой идее базируется, в частности, теория Мелани Кляйн, которая рассматривает агрессию как проекцию собственного саморазрушительного влечения человека.

Однако, в отличие от М.Кляйн, далеко не все последователи Фрейда солидаризировались со столь спорной идеей. Даже «верный гусар» Эрнст Джонс признавал: «Не обнаружено ни одного биологического свидетельства, которое подтверждало бы идею инстинкта смерти – идею, которая противоречит всем принципам биологии». Данный аспект фрейдистского учения был фактически отвергнут или проигнорирован многими верными учениками Фрейда, разделявшими его взгляды по другим вопросам. Но даже они готовы были согласиться, что агрессия проистекает из врожденных, инстинктивных сил.

Попытки детальной разработки теории инстинкта смерти, которая предложила существование особой присущей ему энергии, аналогичной *либидо*, фактически не продвинулись дальше того, чтобы дать этой энергии название, – в работах фрейдистов она фигурирует как *мортидо*, или *деструдо*. Впрочем, это вечная проблема психологии – затрудняясь объяснить неоднозначное явление, специалисты попросту придумывают новый термин.

Небезынтересными, хотя и спорными представляются рассуждения Фрейда о становлении агрессивности в ходе индивидуального развития. Если согласиться с его возрастной периодизацией, следует обратить внимание, что, по мнению Фрейда, фиксация на оральной стадии развития может привести к формированию таких агрессивных черт, как склонность к сарказму и сплетням. Фиксация на анальной стадии может привести к формированию упрямства, к которому легко присоединяется склонность к гневу и мстительности.

В целом взгляды Фрейда на истоки и природу агрессии крайне пессимистичны. По его убеждению, агрессивное поведение – не только врожденное, берущее начало из «встроенного» в человеке инстинкта смерти, но также и неизбежное, поскольку, если энергия Танатоса на будет обращена вовне, это вскоре приведет к разрушению самого индивида. Единственный проблеск надежды связан с тем, что внешнее проявление эмоций, сопровождающих агрессию, может вызвать разрядку разрушительной энергии и таким образом уменьшить вероятность более опасных действий. Этот аспект теории Фрейда часто интерпретируется следующим образом: совершение экспрессивных действий, не сопровождающихся разрушением, может быть эффективным средством предотвращения более опасных поступков. Однако при внимательном прочтении первоисточников возникают сомнения в таких утверждениях. Хотя у Фрейда не обозначена четкая позиция по вопросу силы и продолжительности катарсиса (очищения, облегчения), он все же склонялся к тому, что это явление непродолжительно и по силе незначительно. Таким образом, выводы отсюда вытекают отнюдь не оптимистические. Агрессивность как неотъемлемая характеристика человека требует усмирения, подавления силами всех институтов социализации (а это процесс неизбежно болезненный, травматический) при частичном допущении периодического социально приемлемого отреагирования деструктивных импульсов. Сторонники такого подхода считают, что наиболее цивилизованной формой разрядки агрессии для человека являются конкуренция, различного рода состязания, занятия физическими упражнениями и участие в спортивных соревнованиях.

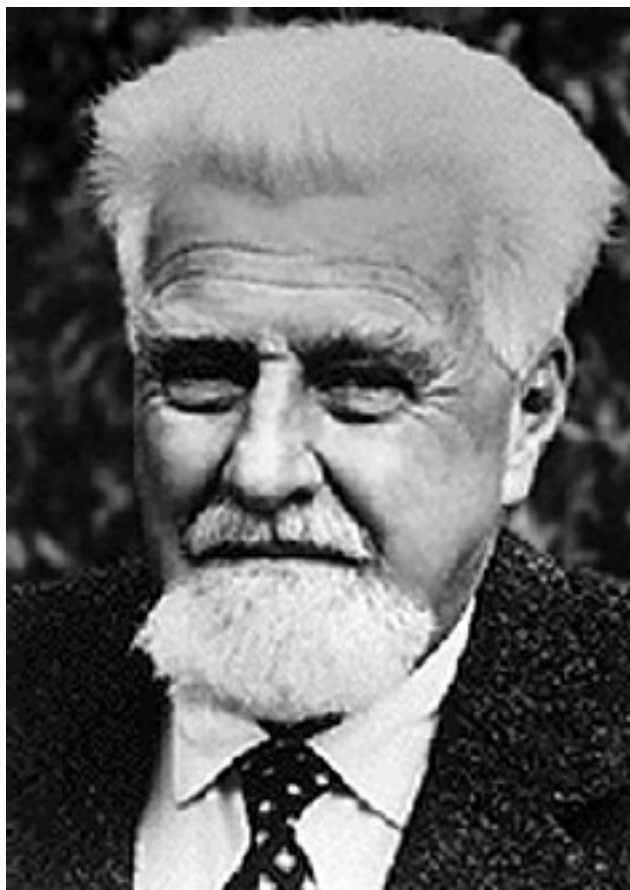
Однако значительное число психологов не разделяют такого фатального взгляда на человеческое поведение. Во-первых, хотя ими и не отрицается, что человеческая агрессивность имеет свои эволюционные и физиологические корни, но осуждается ограниченность представлений о природе человека как о чем-то неизменном. Во-вторых, расходятся мнения и в отношении того, является агрессия инстинктом или же она лишь поставляет энергию, позволяющую *Я* эффективно осуществлять «принцип реальности», преодолевать препятствия на пути к удовлетворению других влечений. Распространено мнение, что агрессивность – это сила, с которой человек выражает свою любовь и ненависть к окружающим или самому себе и с которой он пытается удовлетворить свои инстинкты. Агрессия является механизмом, благодаря которому эти инстинктивные тенденции направляются на другие объекты, в первую очередь – на людей с целью их покорения и завоевания. Склоняясь к таким трактовкам, даже многие психоаналитики отходят от жестких фрейдовских схем и рассматривают не только биологическую, но и социальную сторону агрессии.

Для А.Адлера (его разрыв с Фрейдом в 1911 г. хронологически совпал с первым докладом С.Шпильрейна о деструктивных тенденциях психики) агрессивность является неотъемлемым качеством сознания, организующим его деятельность. Универсальным свойством живой материи Адлер считает соревновательность, борьбу за первенство, стремление к превосходству. Однако эти базовые влечения становятся аутентичными только в контексте правильно понятого социального интереса. Агрессивное, или, выражаясь словами Адлера, «агонизирующее», сознание порождает различные формы агрессивного поведения от открытого до символического, каким, например, является хвастовство – его цель состоит в символической реализации собственного могущества и превосходства. По мнению Адлера, это связано с тем, что агрессивный инстинкт включает в себя женский нарциссический компонент, требующий признания и преклонения. Агрессивность, вплетаясь в контекст культуры, приобретает и другие символические формы – связанные с причинением боли и унижением ритуалы, обряды, конвенционные формы наказаний и т. п.

Кроме того, по Адлеру, всякое контрпринуждение, то есть ответная агрессия, является естественной сознательной или бессознательной реакцией человека на принуждение, вытекающей из стремления каждого индивида ощущать себя субъектом, а не объектом. Антитезой насилия, понимаемого как злоупотребление властью, в индивидуальной психологии Адлера является «категорическая ненасильственность».

Новое звучание тема изначальной предопределенности агрессии получила благодаря работам одного из основоположников этологии К.Лоренца. Придерживаясь эволюционного подхода к исследованию этой проблемы, Лоренц продемонстрировал неожиданное сходство с позицией Фрейда.

Согласно Лоренцу, агрессия берет начало прежде всего из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который присутствует у людей так же, как и у всех живых существ. Лоренц предполагал, что этот инстинкт развился в ходе длительной эволюции, в пользу чего свидетельствуют три его важные функции. Во-первых, борьба рассеивает представителей видов на широком географическом пространстве, и тем самым обеспечивается максимальная утилизация имеющихся пищевых ресурсов. Во-вторых, агрессия помогает улучшить генетический фонд вида за счет того, что оставить потомство сумеют только наиболее сильные и энергичные. Наконец, сильные животные лучше защищаются и обеспечивают выживание своего потомства.

Конрад Лоренц – создатель оригинальной теории агрессивности

В то время как у Фрейда не было однозначного мнения относительно накопления и разрядки инстинктивной агрессивной энергии, у Лоренца был совершенно определенный взгляд на эту проблему. Он считал, что агрессивная энергия (имеющая своим источником инстинкт борьбы) генерируется в организме спонтанно, непрерывно, в постоянном темпе, регулярно накапливаясь с течением времени. Таким образом, развертывание явно агрессивных действий является совместной функцией: 1) количества накопленной агрессивной энергии и 2) наличия и силы особых облегчающих разрядку агрессии стимулов в непосредственном окружении. Другими словами, чем большее количество агрессивной энергии имеется в данный момент, тем меньшей силы стимул требуется для того, чтобы агрессия выплеснулась вовне. Фактически, если с момента последнего агрессивного проявления прошло достаточное количество времени, подобное поведение может развернуться и спонтанно, в отсутствие высвобождающего стимула.

Важно отметить, что «психогидравлическая» модель Лоренца (оперирующая механизмом «выпускания пара») в основном базируется на переносе результатов исследований, полученных на животных, на человеческое поведение. Однако мозг любого животного устроен более примитивно, чем человеческий, и к тому же животные абсолютно не подвержены социальному и культурному влиянию. Разумеется, принцип отреагирования, вытекающий из эволюционной модели так же, как из психоаналитической, в определенных условиях демонстрирует свою эффективность. Однако это вряд ли можно считать подтверждением достоверности теории в целом.

НЕУТОЛЕННЫЕ НУЖДЫ. ФРУСТРАЦИОННАЯ (ГОМЕОСТАТИЧЕСКАЯ) МОДЕЛЬ

Эта теория возникла в противовес концепциям влечений: здесь агрессивное поведение рассматривается как ситуативный, а не эволюционный процесс. Основоположником этого направления исследования человеческой агрессивности считается Дж. Доллард. Согласно его теории, агрессия – это не автоматически возникающее в организме человека влечение, а реакция на фрустрацию, попытка преодолеть препятствие на пути к удовлетворению потребностей, достижению удовольствия и эмоционального равновесия.

Данная теория утверждает, что, во-первых, агрессия всегда есть следствие фрустрации и, во-вторых, фрустрация всегда влечет за собой агрессию. Помимо основных понятий агрессии и фрустрации, рассматриваемых неразрывно, теория оперирует также ключевыми понятиями торможения и замещения.

Агрессия понимается как намерение навредить другому своим действием.

Фрустрация возникает, когда появляется помеха осуществлению условной реакции. Причем степень фрустрации зависит от силы мотивации к выполнению желаемого действия, значительности препятствия и количества целенаправленных действий (попыток).

Например, представим, как родитель-аккуратист безуспешно пытается приучить маленького ребенка поддерживать порядок в детской комнате (к чему малыш в силу своих возрастных особенностей еще не способен). Как правило, это не приводит ни к чему, кроме возникновения состояния фрустрации у родителя, и на ребенка начинают сыпаться саркастические замечания, обвинения, выговоры и наказания.

Торможение – это тенденция ограничить или свернуть действия из-за ожидаемых отрицательных последствий. В частности, установлено, что торможение любого акта агрессии прямо пропорционально силе ожидаемого наказания. Вероятно, поэтому родители, практикующие наказания своих детей за плохие отметки, почти всегда по внешней активности и настроению ребенка безошибочно угадывают, какую отметку он получил в школе: ребенок приходит домой с чувством вины и стремится уединиться.

Кроме того, торможение прямых актов агрессии почти всегда является дополнительной фрустрацией, которая вызывает агрессию против человека, воспринимаемого как виновник этого торможения. Например, мать, запрещая ребенку баловаться и драться, может столкнуться с ответными оскорблениями («Ты плохая!») или упреками («Ты меня не любишь!»).

Замещение – это стремление участвовать в агрессивных действиях, направленных против какого-либо другого лица, а не истинного источника фрустрации. Ребенок, который не может наказать провинившегося старшего, со злостью принимается портить его вещи, то есть безответные неодушевленные предметы. Или оскорбленный поведением родителей старший брат бьет ни в чем не повинного младшего.

Одной из примечательных идей фрустрационной теории агрессии является эффект катарсиса, заимствованный из психоанализа.

Катарсис – это процесс освобождения возбуждения или накопившейся энергии, приводящий к снижению уровня напряжения. Суть этой, уже тривиальной, идеи состоит в том, что физическое или эмоциональное выражение враждебных тенденций приводит к временному облегчению, в результате чего достигается психологическое равновесие и ослабляется готовность к агрессии. Впрочем, многие экспериментальные данные не позволяют однозначно оценить эффективность катарсиса: установлено, что в ряде случаев агрессивное поведение понижает дальнейшие агрессивные проявления, а в ряде случаев, наоборот, повышает.

Как и концепция влечений, фрустрационная теория не избежала критики. Основной ее огонь пришелся на гипотезу о жесткой взаимопределенности самой схемы «фрустра-

ция-агрессия». Было замечено, что люди довольно часто испытывают фрустрацию, но обязательно при этом ведут себя агрессивно, и наоборот. Странники фрустрационной теории согласились и несколько видоизменили свою позицию. Представителем такой модифицированной формы теории обусловливания агрессии фрустрацией является Л. Берковиц. Он, во-первых, ввел новую переменную, характеризующую возможные переживания, возникающие в результате фрустрации, – гнев как эмоциональную реакцию на фрустрирующий раздражитель. Во-вторых, он признает, что агрессия не всегда является доминирующей реакцией на фрустрацию и при определенных условиях может подавляться.

В концептуальную схему «фрустрация-агрессия» Берковиц ввел три существенные поправки: а) фрустрация необязательно реализуется в агрессивных действиях, но она стимулирует готовность к ним; б) даже при состоянии готовности агрессия не возникает без надлежащих условий; в) выход из фрустрирующей ситуации с помощью агрессивных действий воспитывает у индивида привычку к подобным действиям.

В более поздних работах отмечается, что при фрустрации личность реагирует целым комплексом защитных реакций, из которых лишь одна из них играет ведущую роль. Это может быть, например, уход, сопровождающийся символическим агрессивным действием (буквальный пример – уйти, хлопнув дверью).

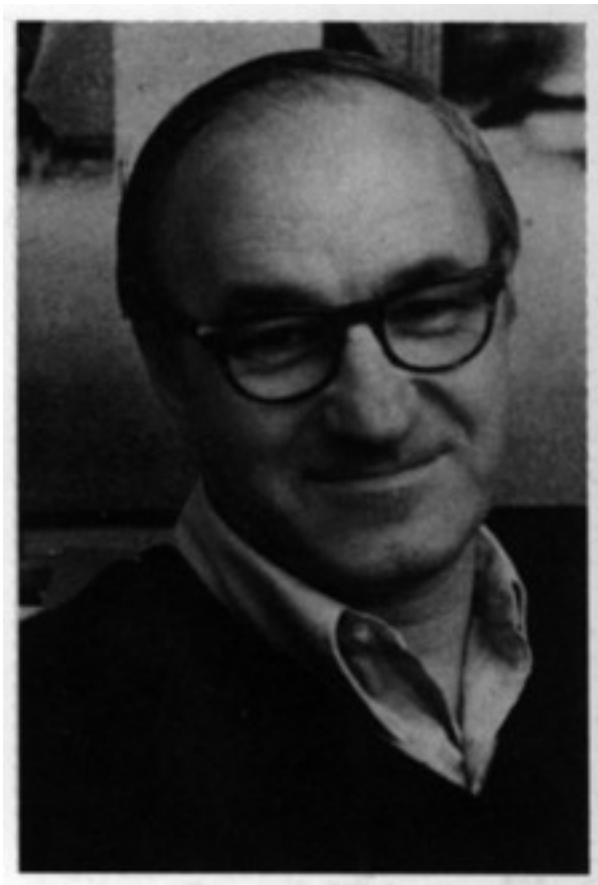
ДУРНОЕ ВЛИЯНИЕ. ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО НАУЧЕНИЯ (БИХЕВИОРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)

В отличие от прочих, эта теория гласит, что агрессия представляет собой поведение, усвоенное в процессе социализации посредством наблюдения соответствующего способа действий при социальном подкреплении. Образец поведения в данном случае рассматривается как средство межличностного воздействия. Поэтому существенное внимание здесь уделяется изучению влияния первичных посредников социализации, а именно родителей, на обучение детей агрессивному поведению. В частности, было доказано, что поведение родителей может выступать в качестве модели агрессии и что у агрессивных родителей обычно бывают агрессивные дети.

Кроме того, названная теория утверждает, что человек научается и более эффективным агрессивным действиям: чем чаще он их использует, тем совершенней становятся эти действия. Вместе с тем существенное значение имеет успешность агрессивных действий: достижение успеха при проявлении агрессии может заметно повысить силу ее мотивации, а постоянно повторяющийся неуспех – силу тенденции торможения.

Другим важным элементом этой теории является социальное подкрепление. Под подкреплением обычно понимается какое-либо действие, призванное усилить определенную реакцию. Если вести речь именно о социальном подкреплении, следует иметь в виду неосознанное подкрепление, словесное и несловесное обращение, контролируемое другими людьми. Это может быть похвала или выговор, улыбка или насмешка, дружеские или враждебные жесты.

Существуют неопровержимые доказательства того, что если ребенок ведет себя агрессивно и получает при этом положительное подкрепление, то вероятность его агрессии в будущем в аналогичных ситуациях многократно возрастает. Постоянное положительное подкрепление определенных агрессивных актов в конце концов формирует привычку агрессивно реагировать на самые разнообразные раздражители. То есть наблюдение и подкрепление агрессии со временем развивают у человека высокую степень агрессивности как личностной черты. Педагогические рекомендации в русле этого подхода основываются на наблюдении противоположного свойства: наблюдение и подкрепление неагрессивного поведения способствует снижению враждебности.

А. Бандура – создатель теории социального научения

Многие практические психологи сходятся во мнении, что именно теория социального научения является наиболее эффективной в объяснении, предсказании и коррекции агрессивного поведения.

При всей несхожести разных подходов, все они подсказывают один и тот же важный практический вывод: формирующуюся личность необходимо научить терпимому, благожелательному, гуманному отношению к людям. Если этого не делать, то обижать людей человек легко научится сам.

АДАПТАЦИОННЫЙ СИНДРОМ – совокупность приспособительных реакций организма человека и животных, носящих общий защитный характер и возникающих в ответ на сильные и продолжительные неблагоприятные воздействия – стрессоры. Понятие было предложено в 1936 г. канадским физиологом Г.Селье.

Селье во множестве экспериментальных исследований на животных установил: наряду с тем, что различные факторы вызывают в организме специфические (соответствующие именно данному фактору) реакции (например, холод вызывает сужение сосудов, посредством чего организм защищает себя от потери тепла; тепло или жар, наоборот, вызывают их расширение и повышение потоотделения, посредством испарения влаги организм охлаждается и т. п.), те же самые факторы вызывают в организме и определенную стереотипную, общую, неспецифическую реакцию, не имеющую отношения к характеру конкретного фактора, являющуюся как бы ответом на требование, предъявляемое этим фактором к способности организма приспосабливаться к внешним условиям. Этот общий, неспецифический сигнал к включению *приспособительных* возможностей организма и является, собственно, сущностью стресса. Даже не столь важно, является ли фактор или ситуация, воздействующие на организм, приятными или

неприятными, существен лишь факт, что они предъявляют требования к приспособительным возможностям организма.

Общий адаптационный синдром включает, по Селье, три фазы или состояния.

В первой из них происходит реакция, которая как бы «по тревоге» приводит в состояние готовности и активности все энергетические ресурсы, призванные обеспечить выживание и сохранить устойчивость организма даже ценой того, что это нанесет ему временный ущерб. Ответная реакция организма на сигнал тревоги включается автоматически, стереотипно и поэтому необязательно всегда соответствует необходимости.

В случае хронического, длительного действия перегрузки наступает вторая фаза – состояние определенной устойчивости, сопротивления, в котором первичные патологические проявления утихают и организм адаптируется к нагрузке, становясь к ней или к другим, совершенно иным нагрузкам даже более устойчивым по сравнению с другими, не испытанными пока перегрузками организмами.

На третьей фазе происходит истощение приспособительных возможностей, болезненные проявления возобновляются, становятся необратимыми и могут привести к катастрофе.

Раздражители, вызывающие общий адаптационный синдром, называются стрессорами и в основном делятся на физические и психические (например: страх, гнев, печаль, душевное страдание, одиночество, а также радость, восторг или любое сильное психическое возбуждение). Правда, этим вторым сам Селье сначала не уделял внимания, и только новые исследователи впоследствии указали на их, пожалуй, решающее значение во всей концепции стресса.

В более поздних работах Селье указывал и на то, что различные факторы, хотя в общем имеют одинаковую степень стрессогенности, необязательно должны у разных людей вызывать одинаковые проявления общего адаптационного синдрома, и даже одинаковая степень стресса, вызванная одним и тем же фактором, необязательно должна вызывать одинаковое состояние; в реакции на стресс определенную роль играют и наследственные качества, пол, общее состояние организма и пр.

Оценивая воздействие различных стресс-факторов на человека с точки зрения концепции стресса, по мнению Селье, следует делать различие между прямыми и косвенными отрицательными факторами. Прямые отрицательные факторы наносят ущерб организму вне зависимости от его реакции, поскольку они уже вредны сами по себе. Косвенные отрицательные факторы служат причиной повреждений лишь потому, что они спровоцировали в организме преувеличенную защитную реакцию.

В качестве примера второй альтернативы автор концепции стресса приводит встречу с пьяным человеком, досаждающим своему окружению, но не угрожающим ему. Если трезвый человек, встретивший пьяного, старается реагировать на ситуацию мирно, он станет искать способ, чтобы избежать открытого конфликта и при удобном случае встречу прервать. Если же он раздражается или же становится агрессивным, то наступает реакция крайнего возбуждения: в результате собственных усилий у него ускоряется пульс, поднимается кровяное давление, выделяется адреналин. Если у этого человека большое сердце или высокое кровяное давление, то такая реакция может нанести серьезный вред его здоровью. Это можно назвать неосознанной попыткой самоубийства, в основе которой лежит его собственная неоправданная агрессивная реакция – ведь пьяный к нему даже не прикоснулся. С другой стороны, если и пьяный проявит агрессивность в ответ на агрессивность трезвого, то эта вообще случайная встреча может завершиться трагедией.

Селье не рассматривал стресс лишь как нервное напряжение, реакции стресса проявляются и у низших животных, у которых отсутствует нервная система, и даже у растений. Стресс не является неспецифическим результатом повреждения, его воздействие на организм не всегда бывает отрицательным. Поэтому не следует стремиться избегать его при любых обстоя-

тельстввах. В действительности стресса и нельзя избежать. Полным освобождением от стресса является лишь смерть.

См. также **СТРЕСС**

АДАПТАЦИЯ (от лат. *adaptatio* – приспособление) – термин, введенный в научный оборот физиологами в конце XVIII в.; в самом общем виде означает *приспособляемость* – способность некоего объекта сохранять свою целостность при изменении параметров среды. При этом подразумеваются объекты системной природы, обладающие качеством саморегуляции, то есть способностью к компенсационному изменению собственных параметров в ответ на изменение параметров внешней среды. Поэтому термином *адаптация* пользуются не только в науках о живом, но также в кибернетике.

В области физиологии исследования приспособительных процессов велись по двум основным направлениям, каждое из которых имеет определенное значение и для психологии. Во-первых, были детально изучены закономерности *сенсорной адаптации*, то есть приспособительных изменений чувствительности к интенсивности действующего на орган чувств раздражителя. Полученные в этой области объективные данные имеют определенное значение при организации какой бы то ни было деятельности в условиях избыточной или недостаточной освещенности, повышенного уровня шума и т. п.

В рамках другого направления изучались приспособительные реакции целостного организма в ответ на неблагоприятные факторы среды. Начало этим исследованиям положили работы У.Кеннона, изучавшего физиологические изменения под воздействием голода, боли, страха и гнева. В первой четверти XX в. Кеннон в качестве наиболее общих ответов живых организмов на опасность описал две основные реакции – нападение и бегство. Кеннон первым указал на то, что активизация энергетических ресурсов организма может порождаться не только физическими, но и эмоциональными факторами.

Приблизительно два десятилетия спустя канадский физиолог Г.Селье начал разрабатывать концепцию адаптационного синдрома – определенного неспецифического комплекса реакций организма на любую нагрузку. Во множестве экспериментальных исследований на животных Селье установил, что наряду с тем, что различные факторы вызывают в организме специфические реакции (например, холод вызывает сужение сосудов, и т. п.), те же самые факторы вызывают и определенную стереотипную, общую, неспецифическую реакцию, не имеющую отношения к характеру конкретного фактора, служащую как бы ответом на требование, предъявляемое этим фактором к способностям организма приспособляться к внешним условиям. Этот общий, неспецифический сигнал к включению приспособительных возможностей организма и является, по мнению Селье, сущностью стресса (ему принадлежит сам этот термин). При этом даже неважно, являются ли фактор или ситуация, воздействующие на организм, приятными или неприятными, существен лишь факт, что они предъявляют требования к приспособительным возможностям организма.

В психологии понятие стресса получило самые разнообразные толкования, особенно в психогигиеническом контексте. При этом нередко упускается из виду, что, согласно Селье, стресс выступает нормальной, естественной приспособительной реакцией на постоянно меняющиеся внешние условия. Так что пропагандируемая многими популярными изданиями идея борьбы со стрессом сама по себе абсурдна. Полным освобождением от стресса является лишь смерть.

У. Кеннон

В большинстве психологических теорий центральной является проблема взаимодействия человека с миром, и в ряде случаев она рассматривается именно как приспособление, адаптация человека к миру. Однако в разных теориях само понятие адаптации получило самые разные трактовки.

В психоанализе понимание функционирования психики человека основывается на представлениях о возможностях удовлетворения его бессознательных влечений. З.Фрейд исходил из того, что психическая деятельность координируется механизмами, приводящимися в движение колебаниями между повышением и снижением напряжения, возникающего в результате ощущения удовольствия-неудовольствия. Когда притязания бессознательных влечений *Оно*, ориентированных на получение непосредственного удовольствия (принцип удовольствия), не находят своего удовлетворения, возникают невыносимые состояния. Ситуация удовлетворения возникает при помощи внешнего мира. Именно к нему обращено *Я* (сознание, разум), принимающее на себя управление и считающееся с реальностью (принцип реальности). Бессознательные влечения *Оно* настаивают на незамедлительном удовлетворении. *Я* стремится защититься от возможной неудачи и выступает посредником между притязаниями *Оно* и ограничениями, налагаемыми внешним миром. В этом отношении деятельность *Я* может осуществляться в двух направлениях: *Я* наблюдает за внешним миром и пытается поймать благоприятный момент для безопасного удовлетворения влечений; *Я* оказывает влияние на *Оно*, стремясь укротить его влечения путем отсрочки их удовлетворения или отказа от них за счет какой-либо компенсаторной деятельности. Так происходит приспособление человека к внешнему миру.

Успешная адаптация способствует нормальному развитию человека, поддержанию его душевного здоровья. Тем не менее, как считал Фрейд, если *Я* оказывается слабым, беспомощным перед бессознательными влечениями *Оно*, то при столкновении с внешним миром у человека может возникнуть ощущение опасности. Тогда *Я* начинает воспринимать исходящую от бессознательных влечений опасность как внешнюю и после неудачных усилий, аналогичных ранее предпринимавшимся по отношению к внутренним побуждениям, пытается спастись от этой опасности бегством. В этом случае *Я* предпринимает вытеснение бессознательных влечений. Но поскольку внутреннее подменяется внешним, подобная защита от опасности хотя и приводит к частичному успеху, тем не менее этот успех оборачивается вредными последствиями для человека. Вытесненное бессознательное оказывается для *Я* «запретной зоной», в которой образуются психические замещения, дающие эрзац-удовлетворение в форме невротических симптомов. Таким образом, «бегство в болезнь» становится такой формой адаптации человека к окружающему миру, которая осуществляется неадекватным образом и свидетельствует о слабости, незрелости *Я*.

Исходя из подобного понимания адаптации, цель психоаналитической терапии заключается в «реставрации *Я*», освобождении его от ограничений, вызванных вытеснением и ослаблением его влияния на *Оно*, с тем чтобы более приемлемым способом, чем «бегство в болезнь», разрешить внутренний конфликт, связанный с приспособлением к требованиям окружающего мира.

Дальнейшее развитие соответствующих представлений об адаптации нашло свое отражение в трудах ряда психоаналитиков, в том числе Х.Гартмана и Э.Фромма.

Так, в работе Гартмана «Психология *Я* и проблема адаптации» данная проблематика рассматривалась не только в плане изменений, производящихся человеком или в окружающей его среде, или в собственной психической системе, но и с точки зрения возможности поиска и выбора им новой психосоциальной реальности, в которой адаптация индивида осуществляется путем как внешних, так и внутренних изменений.

В книге Фромма «Бегство от свободы» ставился вопрос о необходимости различать адаптацию статическую и динамическую. Статическая адаптация – это приспособление, при котором «характер человека остается неизменным и постоянным и возможно появление только каких-либо новых привычек». Динамическая адаптация – приспособление к внешним условиям, стимулирующее «процесс изменения характера человека, в котором проявляются новые стремления, новые тревоги».

В качестве иллюстрации статической адаптации может служить, согласно Фромму, переход от китайского способа приема пищи с помощью палочек к европейскому способу владения вилок и ножом. Когда приехавший в Америку китаец приспосабливается к общепринятому способу приема пищи, такая адаптация не служит причиной изменений его личности. Примером динамической адаптации может являться случай, когда ребенок боится отца, подчиняется ему, становится послушным, но во время приспособления к неизбежной ситуации в его личности происходят существенные изменения, связанные с развитием ненависти к отцу-тирану, которая, будучи подавленной, становится динамическим фактором характера ребенка.

С точки зрения Фромма, «любой невроз представляет собой не что иное, как пример динамической адаптации к таким условиям, которые являются для индивидуума иррациональными (особенно в раннем детстве) и, несомненно, неблагоприятными для психического и физического развития ребенка». Социально-психологические явления, в частности наличие явно выраженных разрушительных или садистских импульсов, также, по Фромму, демонстрируют динамическую адаптацию к определенным социальным условиям.

В совершенно ином аспекте проблема адаптации рассматривается в тех научных направлениях, которые сконцентрировались на изучении познавательных процессов и рассматривают их становление по приспособительному принципу. Наибольшую известность и влияние среди

этих концепций получила генетическая психология Ж.Пиаже, в которой понятию адаптации принадлежит одно из ключевых мест.

Субъект, по Пиаже, – это организм, наделенный функциональной активностью приспособления, которая наследственно закреплена и присуща любому организму. С помощью этой активности происходит структурирование окружающей действительности. Интеллект представляет собой частный случай структуры – структуру мыслительной деятельности. Характеризуя субъекта деятельности, можно выделить его структурные и функциональные свойства.

Функции – это биологически присущие организму способы взаимодействия со средой (вспомним, что по образованию Пиаже – биолог, психологию никогда специально не изучавший, что не помешало ему создать собственную психологическую концепцию исключительной глубины). Субъекту свойственны две основные функции – организация и адаптация. Каждый акт поведения организован, или, иначе говоря, представляет собой определенную структуру, а ее динамический аспект составляет адаптация, которая, в свою очередь, состоит в балансе процессов ассимиляции и аккомодации. В результате внешних воздействий у субъекта происходит включение нового объекта в уже существующие схемы действия. Этот процесс называется ассимиляцией. Если новое воздействие не полностью охватывается существующими схемами, то происходит перестройка этих схем, их приспособление к новому объекту. Этот процесс прилаживания схем субъекта к объекту называется аккомодацией.

В течение всего онтогенетического развития, считает Пиаже, основные функции, составляющие адаптацию, как наследственно закрепленные не зависят от опыта. В отличие от функций, структуры складываются в процессе жизни, зависят от содержания опыта и качественно различаются на разных стадиях развития. Такое соотношение между функцией и структурой обеспечивает непрерывность, преемственность развития и его качественное своеобразие на каждой возрастной ступени.

Наряду с названными существует еще и социально-психологический аспект проблемы адаптации, также рассматриваемый несколькими школами и направлениями. Социальная адаптация понимается ими как постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды (а также как результат этого процесса). Несмотря на непрерывный характер социальной адаптации, ее обычно связывают с периодами кардинальной смены деятельности человека и его социального окружения (так, проблема социальной адаптации в детском возрасте обычно поднимается в связи с поступлением ребенка в детский сад, в школу). Основные типы адаптационного процесса – тип, характеризующийся преобладанием активного воздействия на социальную среду (ребенку, разумеется, почти недоступный), и тип, определяющийся пассивным, конформным принятием целей и ценностных ориентаций группы, – формируются в зависимости от структуры потребностей и мотивов личности. Важным аспектом социальной адаптации выступает принятие индивидом определенной социальной роли; этот аспект детально изучается в рамках особой теории ролей.

Социальную адаптацию относят к основным механизмам социализации личности.

Эффективность социальной адаптации в значительной степени зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи. Искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям социальной адаптации, крайним выражением которых является **аутизм**.

В современной зарубежной психологии проблема социальной адаптации рассматривается в рамках комплексного направления, возникшего на базе необихевиоризма и ответвлений психоаналитической психологии, связанных с культурной антропологией и психосоматической медициной. При этом основное внимание уделяется нарушениям адаптации (невротическим и психосоматическим расстройствам, алкоголизму, наркомании и т. п.) и способам их коррекции.

АКМЕОЛОГИЯ (от греч. акме – высшая степень чего-либо, цветущая сила) – научная отрасль, изучающая феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии. Термин предложен в 1928 г. Н.А.Рыбниковым.

Вершина зрелости человека (акме) – многомерное состояние, которое охватывает значительный по протяженности этап его жизни и демонстрирует, насколько он состоялся как личность, как гражданин, как профессионал в какой-то области деятельности. Вместе с тем акме никогда не является статичным образованием, а отличается большей или меньшей вариативностью, изменчивостью. Современную акмеологию интересует в первую очередь то, в каком возрасте люди разных профессий достигают периода расцвета и как долго утверждаются на этом уровне. В то же время главная проблема акмеологии – не столько хронологическая протяженность полноценной зрелости, сколько душевное состояние человека, способное превратить любой жизненный период в период расцвета.

АКСЕЛЕРАЦИЯ – ускорение роста и физического развития детей по сравнению с предшествующими поколениями. Впервые подобные явления отмечены в середине XIX в. При сопоставлении результатов антропометрических обследований, проведенных в начале XX в., с данными 30-х гг. XIX в. было установлено, что процесс акселерации охватил население всех экономически развитых стран.

Признаки акселерации отмечаются уже на стадии внутриутробного развития. Так, за последние 70–80 лет длина тела новорожденного увеличилась в среднем на 1 см, масса – на 100–300 г. Значительные изменения в темпах роста и развития наблюдаются у грудных детей: удвоение массы тела, происходившее ранее между 5-м и 6-м месяцем жизни, теперь наблюдается в 4 месяца; окружность груди ребенка становится больше окружности головы не в 6 месяцев, а в 2–5 месяцев. Дети раньше начинают держать головку, в более раннем возрасте у них зарастает родничок и прорезываются молочные зубы. С возрастом темпы акселерации растут: длина тела 4–7-летних детей за каждое десятилетие в среднем увеличивается на 1,5 см, масса тела – на 0,5 кг.

Как показывают наблюдения, существенных различий в темпах акселерации детей разных национальностей не обнаружено. Городские дети подвержены акселерации в несколько большей степени, чем сельские.

С 80-х гг. XX в. отмечается замедление темпов акселерации, что свидетельствует об относительной стабилизации темпов развития детей, рождающихся в конце XX – начале XXI в.

Существует ряд гипотез, призванных объяснить причины возникновения акселерации, однако ни одна из них не признана исчерпывающей. Вероятно, ускорение развития происходит под влиянием целого комплекса социально-экономических и природных условий жизни – улучшения питания; генетических изменений в результате активизации процессов миграции и смешения населения; увеличения интенсивности внешних раздражителей, стимулирующих нервную систему, и т. д. (отдельные факторы и условия трудно поддаются точному учету и оценке).

Имеются данные о так называемой психологической акселерации, т. е. ускорении умственного развития детей. Однако, по мнению большинства специалистов, эти данные скорее свидетельствуют о имевшей ранее место недооценке интеллектуальных возможностей ребенка. Показано, что создание благоприятных стимулирующих условий и использование особых методик развития восприятия, внимания, речи и т. п. способствует более полной реализации возможностей ребенка. Психологи, однако, предостерегают против «искусственной акселерации», когда интеллектуальное развитие чрезмерно интенсифицируют, ставя перед ребенком завышенные требования. Надежным показателем соответствия развивающих воздействий

возможностям ребенка служит его эмоциональная стабильность, готовность с энтузиазмом воспринимать новые стимулы и задачи.

Быстрое увеличение длины и массы тела не является однозначным показателем физиологического и психического развития. Различают паспортный (хронологический) и биологический возраст, характеризующий фактическое развитие ребенка. У части детей эти возраста совпадают, однако большинство детей одного паспортного возраста находятся на разных стадиях биологического развития. Причем дети небольшого роста могут созревать соответственно своему биологическому возрасту, и, наоборот, при высоком росте может сохраняться инфантильность психического развития. Существует также акселерация внутри одного поколения. В рамках одной возрастной группы имеется около 8 % детей, отличающихся ускоренным развитием, и примерно столько же детей, для которых характерна некоторая задержка физического развития.

Вопрос о степени синхронности ускорения физического и психического развития современных детей изучен недостаточно. Однако наблюдается увеличение разрыва между более ранней физической зрелостью детей и уровнем их интеллектуального и социального развития.

В целом акселерация представляет собой статистическую закономерность. Для каждого отдельного ребенка ее проявления имеют свои индивидуальные особенности, которые не следует расценивать как преимущества или недостатки.

АКЦЕНТУАЦИЯ ХАРАКТЕРА – чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющая крайний вариант психической нормы, граничащий с психопатией. Как считает известный немецкий психиатр К.Леонгард (им предложен этот термин), у 20–50 % людей некоторые черты характера столь заострены (акцентуированы), что это при определенных обстоятельствах приводит к однотипным конфликтам и нервным срывам. При акцентуации характера личность становится уязвима не к любым (как при психопатиях), а лишь к определенным травмирующим воздействиям, адресованным так называемому «месту наименьшего сопротивления» данного типа характера при сохранении устойчивости к другим. Акцентуация может быть выражена по-разному – различают явные и скрытые (латентные) акцентуации, которые могут переходить друг в друга под влиянием различных факторов, среди которых важную роль играют особенности воспитания, социального окружения, профессиональной деятельности, физического здоровья.

Оформляясь к подростковому возрасту, большинство акцентуаций, как правило, со временем сглаживаются, компенсируются и лишь при сложных, травмирующих ситуациях, длительно воздействующих на «слабое звено» характера, могут не только стать почвой для острых эмоциональных реакций, неврозов, но и явиться условием формирования психопатии.

На основании различных классификаций выделяются следующие основные виды акцентуаций характера:

- 1) **циклоидный** – чередование фаз хорошего и плохого настроения с различным периодом;
- 2) **гипертимный** – постоянно приподнятое настроение, повышенная психическая активность с жадой деятельности и тенденцией разбрасываться, не доводя дело до конца;
- 3) **лабильный** – резкая смена настроения в зависимости от ситуации;
- 4) **астенический** – быстрая утомляемость, раздражительность, склонность к депрессии и ипохондрии;
- 5) **сензитивный** – повышенная впечатлительность, боязливость, обостренное чувство собственной неполноценности;
- 6) **психастенический** – высокая тревожность, мнительность, нерешительность, склонность к самоанализу, постоянным сомнениям и рассуждательству;

7) **шизоидный** – отгороженность, замкнутость, интроверсия, эмоциональная холодность, проявляющаяся в отсутствии сопереживания, трудностях в установлении эмоциональных контактов, недостаток интуиции в процессе общения;

8) **эпилептоидный** – склонность к злобно-тоскливому настроению с накапливающейся агрессией, проявляющейся в виде приступов ярости и гнева (иногда с элементами жестокости), конфликтность, вязкость мышления, скрупулезная педантичность;

9) **застревающий (паранойяльный)** – повышенная подозрительность и болезненная обидчивость, стойкость отрицательных аффектов, стремление к доминированию, неприятие мнения других и, как следствие, высокая конфликтность;

10) **демонстративный (истероидный)** – выраженная тенденция к вытеснению неприятных фактов и событий, к лживости, фантазированию и притворству, используемым для привлечения к себе внимания; поведение, характеризующееся авантюристичностью, тщеславием, «бегством в болезнь» при неудовлетворенной потребности в признании;

11) **дистимный** – преобладание пониженного настроения, склонность к депрессии, сосредоточенность на мрачных и печальных сторонах жизни;

12) **неустойчивый** – склонность легко поддаваться влиянию окружающих, постоянный поиск новых впечатлений, компаний, умение легко устанавливать контакты, носящие, однако, поверхностный характер;

13) **конформный** – чрезмерная подчиненность и зависимость от мнения других, недостаток критичности и инициативности, склонность к консерватизму.

В отличие от «чистых» типов значительно чаще встречаются смешанные формы акцентуаций характера – промежуточные (результат одновременного развития нескольких типических черт) и амальгамные (напластование новых черт характера на его сложившуюся структуру) типы.

Учет акцентуаций характера необходим для осуществления индивидуального подхода к воспитанию детей и подростков, профориентации, выбора подходящих форм индивидуальной и семейной психотерапии.

АЛКОГОЛИЗМ – систематическое употребление спиртных напитков в дозах, вызывающих алкогольное опьянение. Хронический алкоголизм – заболевание, характеризующееся постоянной потребностью в опьянении спиртными напитками, расстройствами нервной системы и внутренних органов, личностной и социальной деградацией.

Потребность в алкоголе не входит в число естественных жизненных потребностей человека. Этиловый спирт, как и любой яд, вызывает в организме реакцию отторжения (рвотный рефлекс). При первом принятии спиртного человек, как правило, не только не испытывает удовольствия, но и ощущает сильный дискомфорт. Возникающие в результате отравления неприятные ощущения (головокружение, расстройство координации движений, дезориентация во времени и пространстве) могут вызвать страх и другие отрицательные эмоции. При повторных употреблениях алкоголя наступает адаптация организма к яду и основное значение для настроения человека приобретают искусственные ощущения возбуждения и приподнятости. Нарастание доз алкоголя и частоты его употребления может привести к превращению так называемого бытового пьянства в хронический алкоголизм. На его начальном этапе укрепляется влечение к опьянению и значительно повышается устойчивость (толерантность) к алкоголю. Если человек не бросит пить (что еще возможно при достаточном волевом усилии), наступает следующая стадия алкоголизма. Она характеризуется резким усилением влечения к алкоголю, наивысшей толерантностью, потерей контроля за количеством выпитого; возникает абстинентный синдром («похмелье»). Появляются признаки поражения нервной и сердечно-сосудистой систем, печени и других органов. На третьей стадии толерантность резко падает: опьянение вызывают очень маленькие дозы. Происходит алкогольная деградация личности: социальные

мотивы теряют для человека смысл, все помыслы направлены на опьянение. На разных этапах могут возникать алкогольные психозы (бред ревности, белая горячка и др.).

Алкоголизм развивается главным образом в зрелом возрасте. Однако с конца XX в. медики и педагоги отмечают тенденцию к «омоложению» алкоголизма, вплоть до возникновения его симптомов в детском возрасте. Возникновению алкоголизма у детей способствует привыкание к спиртному на ранних этапах развития ребенка вследствие употребления даже небольших доз алкоголя матерью во время беременности. Оно приводит к раннему включению алкоголя в обмен веществ развивающегося организма. В результате уже в момент появления на свет новорожденный может страдать абстинентным синдромом.

Первые опыты употребления спиртных напитков мотивированы главным образом внешним влиянием (дань традиции, подчинение групповому давлению, ложно понятое стремление к самоутверждению и приобщению к миру взрослых). Восприятие и постепенное усвоение «алкогольных обычаев» начинается задолго до того, как у человека возникает потребность в опьянении, задолго даже до первого знакомства со вкусом и действием вина. Опыты, проведенные в старших группах детского сада, показали, что если детям предложить сыграть в «свадьбу», «день рождения», то они достоверно воспроизводят внешние атрибуты взрослого застолья с имитацией опьянения. В этом сказывается опыт внешнего знакомства с опьянением, прививающий терпимость к употреблению спиртного.

Основным мотивом приобщения к алкоголю у подростков (именно в этом возрасте оно происходит наиболее часто), наряду с подражанием взрослым, выступает стремление к самоутверждению. Состояние опьянения представляет собой иллюзорное замещение неудовлетворенных потребностей. Не имея возможности или не желая приложить достаточно усилий, чтобы достичь своих целей и испытать от этого положительные эмоции, подросток подменяет их искусственно вызванным весельем, внешне никак не обусловленным. Со временем такое «бегство» в мир иллюзорного удовлетворения приобретает характер устойчивой привычки, появляется тяга к алкоголю. Включаясь в обмен веществ, в частности в гормональный обмен, алкоголь нарушает гормональную регуляцию эмоциональных реакций: без алкогольной стимуляции наступает подавленное, депрессивное состояние. В состоянии опьянения снижается критичность, в том числе к себе и партнерам по общению. Существует ложное представление, будто алкоголь способствует налаживанию межличностных контактов. Это особенно привлекает подростков, испытывающих затруднения в общении.

Понятно, что подобные «подростковые» механизмы приобщения к алкоголю и возникновения зависимости могут возникнуть и в более зрелом возрасте. Избавление от этой зависимости в ряде случаев может потребовать медицинского вмешательства, в частности – с целью нормализации обменных процессов в организме. Однако практика показывает, что любые медицинские меры оказываются малоэффективны, если не происходит перестройка эмоционально-мотивационной смены личности, переориентация на получение реального, а не иллюзорного удовлетворения.

АЛЬТРУИЗМ (от лат. *alter* – другой) – система ценностных ориентаций личности, при которой центральным мотивом и критерием нравственной оценки являются интересы другого человека или социальной общности. Термин введен французским философом О.Кантом как противоположный понятию *эгоизм*. Центральным для понятия альтруизма является идея бескорыстия как непрагматически ориентированной деятельности человека, осуществляемой в интересах других людей и не предполагающей вознаграждения. При всей гуманистической ценности альтруизма его абсолютизация, однако, столь же ошибочна, как и его недооценка.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ (от лат. *ambo* – оба и *valentis* – имеющий силу) – один из многочисленных психоаналитических терминов, получивших широкое распространение в психо-

логической науке, причем в большинстве случаев – даже вне связи с психоаналитическим пониманием личности и ее побуждений. Существует несколько перекликающихся определений этого понятия, на основе которых можно сформулировать следующее, обобщенное.

Амбивалентность есть двойственное, противоречивое отношение человека к какому-либо объекту, характеризующееся одновременной направленностью на один и тот же объект противоположных импульсов. Некоторые психологи, стремясь обогатить свой профессиональный лексикон, подчас используют этот термин неоправданно широко – для обозначения всякого рода неоднозначных чувств и побуждений. Следует подчеркнуть, что **данным термином определяются не просто смешанные чувства и побуждения, а противоречивые, которые испытываются не попеременно, а практически одновременно**.

Явление, описываемое данным термином, издавна отмечалось в житейских наблюдениях, а также в художественной литературе. Чаще всего как амбивалентную описывали любовную страсть. Еще в I в. до н. э. древнеримский поэт Катулл писал:

*Любовь и ненависть кипят в душе моей,
Быть может, почему, ты спросишь, – я не знаю,
Но силу этих двух страстей
В себе я чувствую и сердцем всем страдаю...*

В научный лексикон термин введен в 1911 г. Э.Блейлером для обозначения одного из существенных признаков шизофрении (!). Вот что он пишет по этому поводу: «Благодаря шизофреническому дефекту ассоциационных путей становится возможным сосуществование в психике противоречий, которые, вообще говоря, исключают друг друга. Любовь и ненависть к одному и тому же лицу могут быть одинаково пламенны и не влияют друг на друга (аффективная амбивалентность). Больному в одно и то же время хочется есть и не есть; он одинаково охотно исполняет то, что хочет и чего не хочет (амбивалентность воли, двойственная тенденция – амбитенденция); он в одно и то же время думает: «я такой же человек, как вы» и «я не такой человек, как вы». Бог и черт, здравствуй и прощай для него равноценны и сливаются в одно понятие (умственная амбивалентность). И в бредовых идеях довольно часто наблюдается смесь экспансивных и депрессивных идей». (Блейлер Э. Руководство по психиатрии. Берлин, 1920. С.312–313).

В то же время Блейлер допускал и несколько расширенную трактовку данного понятия – применительно к норме. «Уже в норме человек иногда чувствует в себе две души, он боится чего-то и в то же время желает этого, например операции, занятия новой должности. Чаще и резче всего мы видим такой двойственный аффект по отношению к представлениям о лицах, которых мы ненавидим или боимся и в то же время любим, особенно если при этом задета сексуальность, которая в себе самой заключает могучий положительный и почти столь же могучий отрицательный фактор; последний, между прочим, обуславливает чувство стыда, все половые задерживающие влияния, отрицательную оценку половой жизни как греха и признание целомудрия высокой добродетелью. У здорового человека, однако, подобные двойственные чувства составляют исключение; в общем он обычно держится равнодействующей противоположных оценок – плохие качества уменьшают его любовь, хорошие уменьшают ненависть. Больному часто бывает трудно свести оба влечения... Из всех комплексов именно амбивалентные имеют преимущественное влияние на патологию (и на многие явления нормальной психики, сны, поэзию и т. д.). Очень часто они отчетливо наблюдаются при шизофрении, где мы можем непосредственно видеть двойственность аффекта; в неврозах суть многих симптомов кроется в этой же двойственности» (там же, с. 102–103).

Здесь следует особо подчеркнуть – и на это указывает сам Блейлер – выраженность амбивалентности в болезненных, по крайней мере – пограничных состояниях. Здоровый человек,

как правило, отдает себе отчет в источниках своих чувств, и если к позитивному отношению примешивается негативное, то это обычно означает просто снижение позитивного отношения. Или, например, человек может ощущать, что ему симпатичен некто, обладающий неприятными, отрицательными чертами, но при этом эмоциональное отношение существует вопреки рассудочному. В то же время некто, обладающий объективными достоинствами, которые нельзя не признать, может вызывать неприязнь. Такое раздвоение аффективного и рационального отношения с давних пор служило предметом многих психоаналитических изысканий.

Именно в психоанализе, к которому Блейлер был во многом идейно близок, понятие амбивалентности получило наиболее подробное развитие. З.Фрейд рассматривал его как удачное обозначение Блейлером противоположных влечений, часто проявляющихся у человека в форме любви и ненависти к одному и тому же сексуальному объекту. В работе «Три очерка по теории сексуальности» Фрейд писал о противоположных влечениях, объединяющихся в пару и относящихся к сексуальной активности человека. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» он также отмечал, что эмоциональная жизнь людей складывается из противоположностей. У детей они могут долгое время сосуществовать, как это наблюдалось, например, у маленького Ганса, который, как выяснилось в результате психоанализа, одновременно любил своего отца и желал его смерти. Выражение одного из противоречивых переживаний маленького ребенка по отношению к близким ему людям не мешает проявлению противоположного переживания. Если же возникает конфликт, то он, по мнению Фрейда, разрешается благодаря тому, что ребенок меняет объект и переносит одно из душевных движений на другое лицо.

Понятие амбивалентности использовалось основателем психоанализа и при рассмотрении такого явления, как перенос, с которым приходится иметь дело аналитику в процессе лечения пациента. Во многих работах Фрейд подчеркивал двойственный характер переноса, имеющего позитивную и негативную направленность. В частности, в написанной в конце жизни, но опубликованной уже после его смерти работе «Очерк о психоанализе» Фрейд подчеркивал: «Перенос амбивалентен: он включает в себя как положительную (дружелюбную), так и отрицательную (враждебную) позицию в отношении психоаналитика».

В дальнейшем понятие амбивалентности получило в психологии чрезвычайно широкое распространение. Нередко приходится слышать об амбивалентном отношении к супругу, к детям, к работе и т. п. Очевидно, что в большинстве случаев такое использование термина не вполне адекватно. Например, в некоторых работах, анализирующих отношение людей к деньгам, указывается, что очень часто это отношение амбивалентно – многие декларативно считают деньги злом и в то же время стремятся обладать ими. (Еще Ларошфуко писал: «Многие презирают жизненные блага, но мало кто способен ими поделиться».)

На самом деле речь тут идет не столько об амбивалентности, то есть сочетании противоположностей, сколько о маскировке традиционной морализаторской патетикой собственных неутоленных материальных притязаний (еще одно мудрое наблюдение того же автора: «Чаще всего презирают деньги те, у кого их нет»).

Таким образом, в данном случае фактически имеет место не амбивалентность (напомним – атрибут нездоровой психики), а вполне здоровое отношение, в котором позитив в изрядной степени скрадывается негативом.

АМНЕЗИЯ (от греч. а– отрицательная частица + *mne* – память) – расстройство памяти, неспособность к воспоминанию. Выступает проявлением патологического состояния мозга, которое может быть вызвано как физическими нарушениями, так и психогенными воздействиями. Различают общую и частичную амнезию. Общая амнезия – глубокое расстройство памяти – проявляется в полной неспособности как вспомнить какое-либо событие или факт из прошлого опыта, так и запомнить что-либо новое. Частичная амнезия охватывает круг событий, предшествовавших нарушению мозговой деятельности (ретроградная амнезия) либо

последовавших непосредственно за ним (антероградная амнезия). Так называемая фиксационная амнезия охватывает события и явления, эмоционально связанные с психотравмирующей ситуацией. Амнезию следует отличать от гипомнезии – ослабления памяти, которое нередко сопутствует задержке психического развития или олигофрении.

АМПЛИФИКАЦИЯ (от лат. *amplificatio* – расширение, усиление, обогащение) – многозначный термин, используемый в различных областях – от риторики до теории управления. Многообразие его значений само по себе наглядно иллюстрирует, в какие формы может воплотиться иноязычное заимствование в зависимости от специфики той или иной отрасли. В психологии имеет особое значение, раскрыть которое немаловажно, особенно в связи с тем, что большинство справочных изданий этим пренебрегают либо ограничиваются односторонней трактовкой.

Единственная трактовка, которую этот редкий термин получает в универсальных словарях и энциклопедиях (например, таких авторитетных, как словарь Даля или «Большая Советская Энциклопедия»), относится к сфере словесности. Так, в БСЭ читаем: «Амплификация – в художественной литературе и ораторской речи одна из стилистических фигур; использование однородных элементов речи: определений, синонимов, сравнений, антонимических противопоставлений для усиления выразительности. Например: «Я тайный замысел ласкал, терпел, томился и страдал» (М.Ю.Лермонтов)».

Совершенно иную трактовку термин получает в современной теории управления. В этой сфере, согласно принципу амплификации, в сложных системах весьма незначительное внешнее воздействие может привести к значительно более сильной реакции всей системы, чем можно было бы предположить, исходя из масштаба стимула.

Еще в одном специфическом значении термин употребляется для характеристики сложных химических реакций и биохимических процессов.

Как и во многих подобных случаях, специалисты разных отраслей, затрудняясь четко определить некоторое явление средствами родного языка, заимствуют термин из чужого и при этом придают ему одним им понятное значение.

Психологи в этом терминологическом словотворчестве не знают себе равных. И неудивительно, что термин «амплификация» встречается и в некоторых психологических словарях (правда, далеко не во всех). Как правило, отмечается, что в психологию термин введен К.Г.Юнгом. О том специфическом значении, которое термину придавал наш соотечественник А.В.Запорожец, почти нигде и не упоминается. Поэтому целесообразно рассмотреть оба эти значения, причем особое внимание уделить второму как более значимому в педагогической практике.

Для Юнга амплификация представляет собой технику работы со сновидениями в состоянии бодрствования. Вводя этот термин, Юнг опирался на его традиционное значение в словесности, подразумевая стилистическую фигуру, состоящую из нанизанных друг на друга синонимических определений, сравнений, метафор. Как известно, в юнгианском анализе сновидений их содержание осмысливается за счет свободных ассоциаций и через мифологическое их толкование. Амплификация, по Юнгу, состоит в том, что осуществляется сравнение отдельных мотивов сна с аналогичными по смыслу произведениями литературы (в том числе эпическими, мифологическими), живописи, а также с традиционными символами. Предполагается, что при применении этой техники происходит развитие личности в связи с осознанием ею той части души, которая прежде была скрыта. Расширение сознания человека и его упорядочивание происходит в контексте смыслов снов. Такая тактика, основанная в буквальном смысле на «расширении», «обогащении», явно противоположна фрейдовскому методу «редукции к первичным фигурам».

Надо признать, что большинству практических психологов как сам этот метод, так и его обозначение неизвестны. В самом деле, толкование сновидений – весьма специфическая

область, в которой находят себя немногие энтузиасты, и практическое ее значение далеко не бесспорно. Гораздо более важной – как в теоретическом, так и в практическом плане – представляется концепция амплификации, сформулированная А.В.Запорожцем.

Термин «амплификация» был использован Запорожцем применительно к психическому развитию ребенка. Амплификацию он противопоставлял искусственной акселерации, выражающейся в форсированном обучении, сокращении детства, преждевременном превращении младенца в дошкольника, дошкольника в школьника и т. д. Амплификация, по Запорожцу, – это широкое развертывание и максимальное обогащение содержания специфически детских форм игровой практической и изобразительной деятельности, а также общения детей друг с другом и со взрослым с целью формирования психических свойств и качеств, для возникновения которых наиболее благоприятные предпосылки создаются в раннем детстве.

Эта концепция приобретает особую значимость в связи с тем, что некоторые психологи, основываясь на данных о больших психофизиологических возможностях маленьких детей и о высокой эффективности их раннего обучения, склонны вообще отказаться, подобно А.Бандуре, от понятия возраста как качественно своеобразной ступени психического развития и отрицать необходимость учета возрастных особенностей детей при их обучении. Они полагают, как выразился однажды Дж. Брунер, что «основы любого предмета в некоторой форме можно преподавать в любом возрасте».

На первый взгляд, убедительным подтверждением этой точки зрения могут служить результаты исследований: М.Макгроу, успешно обучавшего младенцев плаванию, катанию на роликах и различным акробатическим упражнениям; О.Моора, вырабатывавшего навыки чтения и печатания на машинке на втором году жизни; П.Сапписа, формировавшего проведение довольно сложных логико-математических операций детьми 4—5-летнего возраста.

Не вдаваясь в обсуждение конкретных результатов каждого из упомянутых исследований, важно все-таки оценить возникающую на их основе концепцию. По существу она представляет собой современный вариант раскритикованной в свое время Л.С.Выготским, Г.С.Костюком, С.Л.Рубинштейном и др. бихевиористской теории, отождествлявшей развитие с обучением и отрицавшей качественное своеобразие последовательных возрастных периодов детства, а заодно и специфическое значение ранних этапов онтогенеза для общего формирования личности.

Утверждение о том, будто ценой искусственной акселерации развития ребенка, путем сокращения детства может быть достигнут духовный прогресс, является прогрессивным по видимости, но наивно-утопическим по сути. Детство ребенка, значительно более длительное и неизмеримо более богатое по содержанию, по характеру происходящих на его протяжении психических изменений, чем это имеет место у детенышей животных, является величайшим достижением и громадным преимуществом *homo sapiens*. Оно дает возможность ребенку до достижения зрелости овладеть богатством духовной и материальной культуры, созданной обществом, приобрести специфические для человека способности и нравственные качества.

В самом деле, маленький ребенок очень пластичен, сенситивен, легко обучаем. Он многое может, может значительно больше, чем долгое время полагали большинство психологов и педагогов. Это открывает перспективы существенного обогащения познавательного содержания раннего воспитания и обучения. Вместе с тем полученные исследовательские данные говорят и о том, что повышение эффективности раннего обучения требует строгого учета возрастных психофизиологических особенностей ребенка.

Во-первых, необходимо учитывать, что речь идет о растущем детском организме, о развивающемся мозге, созревание которого еще не закончилось, функциональные особенности которого еще не сложились и возможности которого еще ограничены. При перестройке педагогического процесса необходимо предусматривать не только то, чего ребенок данного возраста способен достичь при интенсивной тренировке, но и каких физических и нервно-психи-

ческих затрат будет ему это стоить. Ибо известно, какую опасность представляет перегрузка, переутомление для состояния здоровья и дальнейшего хода детского развития.

Во-вторых, данные многочисленных исследований свидетельствуют, что максимальный эффект в реализации больших возможностей ребенка достигается лишь в том случае, если применяемые методы обучения строятся в соответствии с психофизиологическими особенностями его возраста и с учетом того особого значения, которое имеет детство и интенсивно формирующиеся на данной возрастной ступени психические новообразования для общего хода поэтапного формирования личности.

Идеи Запорожца остаются особо актуальными в связи с воспроизводимыми из поколения в поколение завышенными амбициями родителей, стремящихся ускорить темп психического (прежде всего – интеллектуального) развития своих детей, добиться от них высоких познавательных и творческих достижений в ту пору, когда речь следовало бы вести о достижениях совсем иного рода.

А бывает, что идея искусственной акселерации завладевает и *чиновными* умами. Так и произошло на одном из витков перманентной реформы, которая стала для нашей многострадальной школой фактически нескончаемой. В один прекрасный день было решено, что детям следует начинать учиться не в 7 лет, как это традиционно было принято, а на год раньше. Сейчас уже трудно разобраться, какими социально-политическими мотивами руководствовались инициаторы реформы. Однако очевидно, что психологическое обоснование столь смелого новшества отсутствовало. Наиболее убедительный аргумент состоял в том, что в разных странах дети приступают к систематическому школьному обучению в разные сроки – где-то в 7 лет, где-то в 6, а кое-где, например, в Великобритании, и вовсе в 5. При этом упускалось из виду, что английская *nursery school* хоть формально и называется школой, но по сути представляет собой аналог нашего детского сада и выполняет практически те же задачи. Просто у нас в детский сад можно и не ходить, а там школу посещать надо. А занятия и там и тут ведутся на простейшем уровне, предусматривают овладение элементарными базовыми знаниями и навыками, осуществляются почти исключительно в игровой форме и к тому же сочетаются со всевозможными подвижными играми, прогулками и прочими «детсадовскими» формами времяпрепровождения.

Идея усечения детства, несмотря на фиаско утопической реформы, по сей день будоражит амбициозные умы иных родителей и педагогов. В каком-то смысле можно понять гордость родителей, чье дитя еще до поступления в школу умеет читать газеты. Но вот самого ребеночка искренне жаль. Начитаться всего этого вздора он успел бы и в зрелые годы. И вместо сольфеджио, латыни и акробатики лучше поиграл бы с товарищами в салочки. Потому что потом такой возможности уже не представится.

АНАЛИЗАТОР – сложная анатомо-физиологическая система, обеспечивающая восприятие, анализ и синтез раздражителей, исходящих из внешней и внутренней среды организма. Понятие «анализатор» введено И.П.Павловым в 1909 г. и фактически заменило менее точное понятие «орган чувств».

Анализатор в норме обеспечивает целесообразную реакцию организма на изменение условий, что способствует его приспособлению к окружающему миру и поддержанию равновесия внутренней среды. В зависимости от модальности воспринимаемых и анализируемых стимулов различают зрительный, слуховой, обонятельный, вкусовой, кожный и двигательный анализаторы. Каждый анализатор состоит из трех отделов – периферического воспринимающего прибора (рецептора), проводящих путей и коркового центра. Анализ раздражителей начинается на периферии: каждый рецептор реагирует на определенный вид энергии; анализ продолжается во вставочных нейронах проводящих путей (так, на уровне нейронов зрительного анализатора, расположенных в промежуточном мозге, возможно различение местоположения и

цвета предметов). В высших центрах анализаторов – в коре больших полушарий головного мозга – осуществляется тонкий дифференцированный анализ раздражителей. Повреждение любого из отделов анализатора в результате действия различных вредоносных факторов приводит к нарушениям процессов высшей нервной деятельности и обуславливает аномальное протекание психофизического развития.

АНОМИЯ (от греческого *α* – отрицательная частица + *nomos* – закон) – понятие социологии и социальной психологии, означающее различные виды нарушений в ценностно-нормативной системе общества. В последние годы данный термин все чаще употребляется психологами, в частности – для характеристики социальной ситуации развития подрастающего поколения, поскольку явления аномии, затрагивая в определенных (кризисных) условиях все слои общества, особенно сильно действуют в отношении молодежи. Анализ ситуации, определяемой этим термином, позволяет глубже понять многие психологические проблемы, характерные для современных подростков и юношества (и не только для них).

Понятие «аномия» встречается еще в трудах античных мыслителей. Для Еврипида оно символизировало жестокость бытия, законы которого человеку неподвластны. Платон понятие «аномия» использовал для обозначения анархии, беспорядка, беззакония, безверия, неумеренности и несправедливости.

Термин был вновь введен в научный оборот в конце XIX в. французским философом-моралистом Ж.-М.Гюйо, который рассматривал аномию как положительное явление – освобождение индивида от власти догматических предписаний. Широким распространением термин обязан французскому философу, социологу и психологу Эмилю Дюркгейму (которому часто и приписывается его авторство). В отличие от Гюйо, Дюркгейм связывал аномию с различными формами социальной патологии. Это понятие он использовал в своих основополагающих работах – «О разделении общественного труда» (1893) и «Самоубийство» (1897). Последняя работа, фактически положившая начало научной суицидологии, рассматривала аномию как один из важнейших факторов, вызывающих суицидальные побуждения.

По Дюркгейму, аномия выступает результатом неполного перехода от «традиционного общества» с его «механической» солидарностью к «органической» солидарности индустриального общества. Объясняется это тем, что общественное разделение труда, составляющее основу индустриального общества, развивается быстрее нового морального сознания. Аномия возникает вследствие противоречия между потребностями и интересами, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения – с другой. Она проявляется в виде следующих нарушений: 1) частичное или полное отсутствие нормативного регулирования в кризисных, переходных социальных ситуациях, когда прежняя система норм и ценностей разрушена, а новая еще не утвердилась; 2) низкая степень воздействия социальных норм на индивидов, их неэффективность в качестве средства социальной регуляции поведения; 3) расплывчатость, неустойчивость и противоречивость ценностно-нормативных предписаний и ориентаций, в частности – противоречие между нормами, определяющими цели деятельности, и нормами, регулирующими средства достижения этих целей. Состояние аномии возникает как в случае резкого и очевидного ухудшения, так и в случае резкого наступления благоденствия. И в том, и в другом случае утрачивается привычный образ жизни, социальный порядок дезинтегрируется, его регулятивные функции ослабевают. Нарушается общественное равновесие, одни люди быстро возвышаются, другие теряют свое положение в обществе – колеблется и дезинтегрируется сама общественная система.

Аномию Дюркгейм считал естественным состоянием «промышленного», то есть капиталистического, общества. Поскольку это общество поощряет одинаковые для всех цели и ценности индивидуального успеха, то большинство людей, лишенных богатства, власти, высокого престижа, неизбежно оказываются в конфликте с социальными нормами либо расценивают

свою жизнь как неудавшуюся. Ограниченность возможностей для удовлетворения человеческих желаний (которые, кстати, безграничны по самой своей природе) и в то же время отсутствие эффективных норм, регулирующих и обуздывающих эти желания, делают множество людей несчастными и толкают их к проявлениям девиантного поведения, в том числе разрушительного и даже саморазрушительного, вплоть до самоубийства (не говоря уже про алкоголизм и наркоманию, представляющие собою фактически медленные формы самоубийства, по крайней мере личностного).

Вслед за Дюркгеймом многие ученые стремились освоить методы, которые позволили бы изучать, что же происходит с отдельными людьми, живущими в обществе с высокой степенью аномии.

Среди прочих это попытался сделать американский исследователь Лео Сроул, поставивший своей задачей раскрыть психологическое наполнение этого социального феномена. Через полвека после Дюркгейма, в 1951 г., Сроул нарисовал портрет своего современника – жертвы аномии. Характерные для этого персонажа переживания он сформулировал следующим образом:

1. Я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам.
2. В обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться.
3. Шанс достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше.
4. Что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит мимо.
5. Я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения.

Не так давно наша соотечественница Р.Фрумкина опросила большую группу россиян разного возраста, предъявив им список суждений, сформулированных Сроулом. Ни один из опрошенных даже не заподозрил, что сказано все это было полвека назад в другом конце света! Большинство, напротив, с готовностью солидаризировались практически со всеми утверждениями. Некоторое несогласие было выражено молодыми людьми по пунктам 3 и 4 – молодежь, как ей и положено, все-таки надеется на лучшее.

Возвращаясь к Дюркгейму, следует отметить, что социальную аномию он рассматривал в двух аспектах – экономическом и семейном. Первый аспект сегодня настолько очевиден, что сотни публицистов, даже не зная мудреного термина, уже подробнейшим образом его раскрыли в тысячах надрывных статей. Но и второй в психологическом плане представляется чрезвычайно важным.

Семейную аномию можно рассматривать как нарушение общественного равновесия и дисциплины, обеспечиваемых семьей и семейной моралью. В современных условиях в семье принципиально изменяются роли, которые супруги занимали ранее, трансформируются ценностные ориентиры, меняется соотношение поколений.

Одним из главных аспектов проявления аномии в семье, который следует рассмотреть более подробно, является изменение детерминанты власти. Если раньше лидирующее положение в семье занимал мужчина, то теперь все чаще роль главы семьи фактически исполняет женщина. Являясь безусловным лидером в домашней сфере, женщина, как правило, трудится наравне с мужчиной и экономически от него не зависит (а нередко бывает и наоборот). Мужчина, таким образом, лишился того социального статуса, который делал его в глазах женщины авторитетным лицом. Мужчина, в чьем сознании и даже подсознании закреплен тысячелетний опыт предков, по-прежнему склонен считать себя главой семьи и не может подчиниться женщине без того, чтобы не почувствовать себя униженным. Но при этом он не прилагает необходимых усилий для того, чтобы упрочить свое пошатнувшееся положение в семье.

Само по себе главенствующее положение женщины в семье есть не изъян, а особенность современного брака. Но эта особенность повсеместно превращается в серьезную психологическую проблему, если жена ведет себя бестактно по отношению к мужу, и он в результате теряет свой авторитет и самоуважение. Обычно женщина, сумевшая занять в семье главенствующее положение, не применяет к мужу тактику «скрытого лидера» (которой по-настоящему мудрые женщины пользовались испокон веку), а оказывает на него прямое психологическое давление, что, безусловно, создает эмоциональное напряжение в отношениях.

Опосредованное действие данной проблемы проявляется, во-первых, в том, что мужчина теряет авторитет не только в глазах женщины, но и в глазах ребенка, во-вторых – в факте дисгармоничного развития этого ребенка, чреватом, говоря словами Э.Эриксона, тяжелым кризисом идентичности.

Преодоление аномии – серьезнейшая социальная проблема, которую не под силу решить одним психологам, лишь психологическими средствами. Остается, правда, надежда (о чем в свое время говорил еще Дюркгейм), что аномия, порождая систематические отклонения от социальных норм, подготавливает и ускоряет позитивные перемены в обществе. Когда безобразия достигают своей критической массы, переходя все терпимые пределы, общество «рефлекторно» реагирует на это коррекцией ценностей и норм, придавая им большую гармоничность, определенность и четкость. Судя по тому, сколь бесплодны пока призывы власти к интеллигенции сформулировать новую «национальную идею» для изменившегося общества, критический порог безобразия нами еще не пройден.

Неутешительным для психологов является тот вполне очевидный факт, что для разных людей последствия аномии проявляются неодинаково – одни оказываются к ним более устойчивы, чем другие. В самых сложных условиях опускаются далеко не все, хотя явления моральной деградации и эмоционального упадка наблюдаются очень широко. В этой связи представляются весьма перспективными исследования того, какого рода личности оказываются наиболее жизнеспособны в условиях общественной аномии? Каковы те качества, которые позволяют им в этих условиях, даже в отсутствие впечатляющих утилитарных достижений, сохранять душевную гармонию и целостность? И каковы средства психологической помощи и поддержки тем слабым людям, которые не справляются с непосильной для них нагрузкой?

Конструктивные ответы на эти вопросы явились бы не только ценным вкладом в психологическую науку, но и важным общественно полезным делом.

АНТИПСИХИАТРИЯ

Меньше года прожил в XXI веке американец Кен Кизи, «испорченное дитя» века минувшего. Осенью 2001-го в возрасте 66 лет он ушел из жизни, не перенеся операции по удалению раковой опухоли. Казалось, мятежный и сумасбродный XX век пожелал навсегда оставить в своих анналах одного из самых ярких своих мятежников и сумасбродов. В начале 60-х Кизи прославился как автор романа «Полет над гнездом кукушки» и почти в одночасье стал идолом целого поколения. Роман был вызовом, манифестом, после которого мир уже не мог оставаться прежним. Да и всем своим последующим поведением его автор позаботился придать новые черты окружающему его миру. Благодаря стараниям Кизи мир и в самом деле изменился, вот только к лучшему или к худшему – вопрос спорный. Для миллионов людей Кизи остался гением, героем и пророком, который бросил вызов кошмару нашего безумного мира. Иные скорее считают его злым гением, антигероем, который заразил наш благополучный мир бациллой сумасшествия, стер грань между здравомыслием и безумием. Воистину, чтобы заслужить такие оценки, надо было совершить нечто особенное. Кизи – совершил.

Он родился 17 сентября 1935 года в городке Ла-Хунта (штат Колорадо) в небогатом, но добропорядочном семействе. В 1943 году вместе с семьей переехал жить на молочную ферму своего деда, где выросл так же, как и миллионы подростков из американской глубинки: рабо-

тал на ферме, увлекался борьбой и боксом, играл в бейсбол за школьную команду. И по собственным воспоминаниям, мечтал когда-нибудь вырваться из затхлого колорадского захолустья.

Вскоре такой случай представился. Кизи поступил на факультет журналистики Орегонского университета. Хорошо учился, занимался спортом (даже стал чемпионом университета по борьбе) и буквально заболел литературой. Эта страсть привела его на литературные курсы Стэнфордского университета.

Семейство Кизи никогда не обладало даже средним, по американским меркам, достатком, поэтому Кену приходилось полагаться только на свои силы. Чтобы элементарно просуществовать, он нанялся санитаром в психиатрическую клинику, а заодно согласился стать и добровольным испытуемым (75 долларов в день!) в государственной программе исследований воздействия на психику ЛСД, мескалина и псилобицина – сильнейших галлюциногенных наркотиков. «Психоделический опыт» заставил его иначе взглянуть на пациентов психушки – в конце концов, они были такими же кроликами, как и он сам, разрешившими модифицировать свое сознание, – не говоря уже об ученых, которые добросовестно выполняли заказ явно тронутых чиновников.

Душный сумасшедший дом – такими увидел свою страну и весь мир молодой Кен Кизи. И написал великую и бунтарскую книгу – своего рода американскую «Палату номер шесть».

Книга пришлась удивительно ко времени. На Америку накатывались «ревущие 60-е», и Кизи стал первым писателем, сумевшим примирить стареющих битников с идущими им на смену хиппи. И те и другие признали его своим. Легендарный Боб Дилан назвал «Полет над гнездом кукушки» наибольшим слагаемым своего мировоззрения, Джимми Хендрикс заявил, что книга Кизи – единственное, что он смог дочитать до конца, а Тимоти Лири – «верховный гуру» 60-х – просто подошел к Кену и предложил свою дружбу.

Сюжет романа прост. «Полет над гнездом кукушки» – история простого парня, который, будучи не в ладах с законом, предпочитает «свалить дурака» и отсидеться в психушке. История заканчивается трагически: поведение героя – в сущности, совершенно нормальное и естественное – психиатры находят неадекватным и угрожающим и подвергают героя лоботомии, которая и в самом деле разрушает его личность.

Многими этот сюжет был воспринят как метафора противостояния здоровой личности и ненормального, репрессивного общества. Но даже если воспринять сюжет буквально, то и это невольно заставляет задаться непростыми вопросами. Где проходит грань между нормой и патологией? На каком основании эксперты ставят психиатрический диагноз и всегда ли этот диагноз бесспорен? Что считать критерием излечения от душевного недуга, то есть когда пациент психиатрической клиники вправе выйти на волю? Застрахован ли здоровый человек от психиатрического произвола?

Ответы на эти вопросы (увы, неутешительные) предложил профессор Стэнфордского университета Дэвид Розенхэн. Под впечатлением романа Кизи он решился на отчаянный эксперимент, результаты которого опубликовал в журнале *Science*.

Розенхэн и еще семь человек образовали группу, в которую входили три психолога, педиатр, психиатр, художник и домохозяйка. Члены этой группы появлялись поочередно в 12 психиатрических клиниках пяти штатов США. Все члены группы были нормальными людьми и никогда в жизни не обнаруживали никаких психических расстройств. Каждый участник получал следующую инструкцию: обратившись в клинику, он должен был сообщить, что иногда слышит незнакомый голос, принадлежащий человеку одного с ним пола и произносящий какие-то невнятные слова. Затем ему следовало, изменив только свое имя, без утайки рассказать все, что касается его реальной жизни со всеми ее радостями и горестями. По мнению Розенхэна, в этих рассказах не могло быть ничего похожего на патологию.

Как бы то ни было, участников группы приняли в одиннадцать клиник (из двенадцати!) с диагнозом «шизофрения».

Быть может, случившееся объясняется ошибкой медицинского персонала или тем, что они хотели проверить диагноз?

С момента поступления в клинику и на протяжении всего пребывания в ней псевдопациенты вели себя совершенно нормально и не упоминали больше о «голосах» в надежде быстро выписаться. Однако такого внезапного улучшения в их состоянии не заметил ни один из медицинских работников. Только после многочисленных попыток участникам эксперимента удалось убедить персонал в том, что они находятся в здравом рассудке, и вернуться домой. Участники провели в клинике в среднем по три недели (один из исследователей, которого держали в клинике семь с половиной недель, вынужден был бежать из нее, так и не убедив «опекунов», что он здоров и телом и душой).

Когда Розенхэн ознакомил сотрудников психиатрических клиник с этими результатами, они возмутились, отказываясь верить, что подобное могло случиться.

Тогда Розенхэн предупредил медицинский персонал, ознакомленный с результатами его первого эксперимента, что в ближайшие три месяца им следует ожидать «псевдопациентов». Из почти двух сотен человек, принятых за это время в клинику, больше половины вызвали подозрения у психиатров. А между тем в клинику за это время не обратилось ни одного «псевдопациента»!

Таким образом, следовало признать очевидность того факта, что нет ни малейшей уверенности в том, кого следует считать нормальным, а кого ненормальным человеком. Тогда на чем же основана уверенность психиатров? По мнению Розенхэна, большей частью на предвзятости восприятия или на ошибочной интерпретации симптомов.

Социальные последствия этого опыта, по сути спровоцированного романом Кизи, превзошли самые немыслимые фантазии. По всей стране из психиатрических лечебниц тысячами стали выписывать пациентов. И это при том, что большинство из них в самом деле нуждались в лечении! Армия юродивых и убогих, не умеющих приспособиться к социальной действительности, выплеснулась на улицы американских городов, впервые со времен Великой депрессии вызвав новую эпидемию попрошайничества и бродяжничества.

На Западе же под влиянием романа Кизи и скандальных разоблачений Розенхэна развернулось целое антипсихиатрическое движение, поставившее своей целью ликвидацию психиатрии как таковой. Идеологом нового движения выступил шотландский психиатр Рональд Лэйнг. В 1965 году он основал психотерапевтическую коммуну Кингсли Холл. Разного рода коммуны в ту пору были не редкость, а идеи бунтарства витали в воздухе. Своеобразными манифестами эпохи и были книга Кизи и песня «Странные люди» не менее странного поэта и певца Джима Моррисона. В них представал новый современный герой – «странный» человек, не укладывавшийся в рамки консервативного мышления и морали. Книга Лэйнга «Расколотое Я» не только прекрасно вписалась в этот ряд, но и подвела под него теоретическую базу.

Посвящена она естественной для психиатра теме – безумию. Но парадокс состоял в том, что для Лэйнга, как, похоже, и для Кизи, безумие – это неотъемлемый атрибут современного общества. Весь мир представляет собой своего рода Бедлам. Порядки в нем насаждаются кучкой маниакальных тиранов, которые сами больше похожи на параноиков. «Нормальным» гражданином этого извращенного мира является конформист, который безропотно и бездумно принимает директивные предписания. Но не таков подлинно нормальный человек. Для него естественно проявлять свои мысли и чувства, даже если они не укладываются в рамки искусственных норм. Такие люди неизбежно сталкиваются с непониманием, в результате чего оказываются заперты в психиатрических лечебницах. Против такого подхода вслед за Кизи и протестовал Лэйнг. Он призвал отказаться не только от унижающего личность «психиатрического жаргона» (сегодня на политкорректном Западе назвать шизофреника шизофреником – такое

же «оскорбление», как назвать чернокожего негром), но и от традиционной практики лечения, считая ее не гуманной, а, наоборот, карательной. По Лэйнгу, шизофреник не столько нуждается в помощи, сколько сам способен ее оказать закомплексованным конформистам. Сегодня, наблюдая, как едва ли не ежедневно кликушествуют на телеэкране недолеченные психопаты, приходится признать, что антипсихиатрическая революция фактически свершилась. Профессиональные психиатры робко помалкивают – иначе недолго попасть в каратели.

АНТРОПОМОРФИЗМ – перенесение человеческих свойств на животных и даже на неодушевленные предметы. При этом, например, животным неоправданно приписываются сугубо человеческие способности. Антропоморфизм представляет собой архаичную форму мироощущения, характерную для примитивного, первобытного мышления. Тем не менее его рецидивы постоянно наблюдаются до сего дня, причем не только в обывательском сознании, но и в отдельных научных изысканиях.

Однако все новые и новые «сенсации» всякий раз потрясают не обремененные научными знаниями умы широкой общественности. Вот и на сей раз не обошлось без того, чтобы устроить некий социально-правовой фарс, причем, как водится, с самыми благими и серьезными намерениями. На Западе ширится теперь кампания за предоставление шимпанзе, орангутанам и гориллам... гражданских прав! Организаторы кампании настаивают на том, что у этих обезьян должны быть законодательные гарантии, что с ними не будут обращаться жестоко и унижительно, не станут использовать в «бесчеловечных» экспериментах. Ведь обезьяны, как якобы свидетельствуют научные данные, все понимают и обладают многими человеческими качествами. Например, чувством собственного достоинства. Американский зоопсихолог Роджер Фуотс свою статью в журнале *Psychology Today* недвусмысленно озаглавил «Мой лучший друг – шимпанзе». Жаль, конечно, что у мистера Фуотса не нашлось кандидатов в друзья среди рода человеческого. А может быть, он по-своему прав, описывая в сентиментальных тонах свои трогательные отношения со зверем, который «почти как человек», а то и «совсем как человек»? Может, и правда, стоит повнимательнее присмотреться к нашим «младшим братьям по разуму» и даже чему-то у них научиться?

Сама по себе эта идея не нова. Исследования поведения животных, в том числе высших обезьян, ведутся много лет. Зачем? Пожалуй, даже не столько затем, чтобы понять их, скорее – самих себя. Мы никогда не пойдем до конца человека, если не будем рассматривать его как звено в цепи живых организмов. Но тут для научного анализа наиболее важны не столько поведенческие параллели, сколько сугубо человеческая специфика, которую легче всего познать в сравнении. Правда, при этом существует опасность скатиться к антинаучной позиции, то есть начать трактовать поведение животного по аналогии с человеческим, игнорируя принципиальные различия. Похоже, именно это и происходит сегодня с «политкорректными» американцами. Однако разберемся по порядку, что же все-таки удалось установить на самом деле.

21 июня 1966 года супруги Роберт и Беатрис Гарднер начали в Университете штата Невада замечательный эксперимент. Они поставили перед собой задачу научить обезьяну человеческим формам общения. Объектом приложения их «педагогических» усилий стала шимпанзе Уошо, чье имя с тех давних пор то и дело появляется то в серьезных научных публикациях, то в падкой на сенсации желтой прессе.

Попытки такого рода предпринимались задолго до супругов Гарднер, однако именно этим американским психологам удалось за счет принципиально нового подхода впервые добиться в этом начинании определенных успехов.

Еще в 1916 году В.Фернесс, пытавшийся обучить орангутана английскому языку, писал: «Кажется почти невероятным, что в мозге животных, столь похожих на нас физически, отсутствует элементарный речевой центр, который нуждался бы только в развитии. Я предпринял

серьезные попытки в этом направлении и все еще не прекращаю их, но не могу сказать, что результаты обнадеживают».

В 30-е годы психологи, супруги Кэллог, воспитывали в домашних условиях шимпанзе по кличке Гуа, который рос вместе с их маленьким сыном Дональдом. (Подобную попытку, хотя и не столь впечатляющую, поскольку обезьяна и дитя воспитывались не совместно, предприняла в нашей стране Н.Н. Ладыгина-Котс.) Они обнаружили, что в отличие от человеческого ребенка у шимпанзе отсутствовали разнообразные «гуления» и лепет. Уинтроп Кэллог считал, что раз большое влияние на формирование общения оказывают начальные стадии развития, то в этот период, вероятно, психику и коммуникацию шимпанзе можно модифицировать в нужном направлении, «очеловечивая» животное. Увы, на практике медаль опыта повернулась к Кэллогам обратной стороной – шимпанзе Гуа начал влиять на поведение Дональда. У мальчика, который дни напролет играл с Гуа, задержалось развитие речи – усевшись за обеденный стол, он кричал, как шимпанзе, при виде пищи и даже обгрызал кору с деревьев... Опыт пришлось прекратить, Гуа отправили в зоопарк. Казалось, последнюю точку поставили опыты Кейта и Кэтрин Хейес. Воспитывая в семье самочку-шимпанзе Вики, все, чего они смогли добиться, – это научить Вики «произносить» несколько простых слов: «мама», «папа», «чашка», «вверх» (по-английски едва различимых на слух: «*tot*», «*pap*», «*cup*», «*up*»).

Но та же Вики сама изобрела звуковые способы сообщать приемным родителям свои желания. Чтобы покататься на автомобиле, она приносила карточку с изображением машины. Когда люди устали от слишком частых поездок и спрятали карточки с автомашинами, Вики принялась вырывать рисунки автомобилей из журналов и книг и предъявляла их в качестве «билетов на проезд».

Просматривая фильмы о Вики, Роберт и Беатрис Гарднер пришли к мысли: а что, если шимпанзе обучить языку жестов, которым пользуются глухонемые? Так и возник «проект Уошо». Как бывает почти со всякой интересной идеей, она приходила в головы исследователей и раньше: в Советском Союзе, в Харьковском зоопарке, еще на рубеже 30—40-х годов Л.И. Уланова пыталась обучать макаку-резуса жестам, обозначающим различные виды пищи. Война оборвала этот опыт.

А вот Уошо вскоре и правда «заговорила». Сперва это были отдельные знаки, а потом и сочетания. Она выучилась строить, например, такие высказывания: «достать одеяло», «еще фрукт». Затем подоспели результаты опытов, которые проводил психолог Дэвид Примак. Он взял за основу языка не жесты, а систему фишек, размещенных на магнитной доске. Тренировка начиналась с того, что обезьяну обучали прикреплять на доску символ, за что она получала обозначенное символом лакомство. Постепенно шимпанзе Сара научилась составлять фразы типа: «Если Сара взять яблоко, то Мэри дать Сара банан». Похоже было, что она понимала замещающую природу символа, когда описывала жетон «яблоко», отличавшийся от реального яблока цветом и формой, знаками-прилагательными «красный» и «круглый». Выбрав момент, Сара похищала фишки и в одиночестве проигрывала варианты предложений. Было над чем задуматься.

Под впечатлением этих работ Дуэйн Румбо и его сотрудники начали диалог с шимпанзе через посредство компьютера. В комнате обезьяны помещалась панель ЭВМ, на клавишах которой были нарисованы лексиграмы (значки-обозначения действий и разных видов пищи или других поощрений, от щекотки до кинофильма – обезьяны, совсем как люди, приходят от того и другого в одинаковый восторг). Компьютер запоминал каждое предложение шимпанзе (например, последовательное нажатие клавиш: «пожалуйста», «машина», «показать», «кино») и «выполнял» просьбу, лишь когда она соответствовала «грамматике» – узаконенному порядку нажатий. Результаты оказались поразительными. Молодой шимпанзе Шерману и Остину удалось даже провести диалог через компьютер. Шерман, в комнате которого лежали инструменты, получал сигнал от Остина, находившегося в соседней комнате (у него не было

инструментов, зато был закрытый ящик с пищей), передать определенный инструмент. Остин открывал с помощью этого инструмента ящик и делился добычей со своим собеседником. Румбо считал, что компьютер, который позволяет точно вычислить долю «речи» в хаосе случайных нажатий, объективнее, чем кино съемка жестового разговора обезьяны с человеком.

Надо сказать, что волна «языковых» проектов вызвала скептическую реакцию со стороны многих лингвистов и психологов. Объяснить это можно тем, что большинство из них в ту пору под влиянием теории Ноэма Хомского считали, что языковая способность человека задана в его генах и, подобно физиологическому органу, вырастает постепенно, по записанной в генах программе.

Некоторые критики обрушили на зоопсихологов убийственные аргументы: сравнивали обезьяний язык с человеческим, литературным – результатом тысячелетий исторического развития. Другие подошли к этому вопросу осторожнее. Например, Эрик Леннеберг предложил доказать на примере, что шимпанзе могут разговаривать. То, что обезьяны «называют» отдельные предметы, еще ни о чем не говорит, полагал Леннеберг. Обычный условный рефлекс, на который способны и собаки, и голуби. Вот если, скажем, обезьяна правильно расшифрует команду «Положить сумку и тарелку в ведро» (то есть поймет, что союз «и» относится к сумке и тарелке, а предлог «в» – к ведру), то можно говорить о каких-то зачатках языковых способностей.

Это, однако, была единственная практическая рекомендация со стороны критиков. Неконструктивный скептицизм лингвистов породил ответную реакцию зоопсихологов. Так, профессор Колумбийского университета Герберт Террейс бросил вызов теории «врожденной языковой компетенции» Ноэма Хомского. В 1973 году Террейс начал проект, героем которого стал шимпанзе с ироническим именем Ним Шимпский. «Я выбрал это имя, – писал Террейс, – в честь известного лингвиста, отстаивающего тезис о врожденности человеческого языка. Конечно, в глубине души я осознавал эффект, который мог возникнуть, случись Ниму в действительности создавать предложения». Полный оптимистических надежд, Террейс поместил обезьяну в лабораторию и начал интенсивные занятия с помощью глухонемых тренеров.

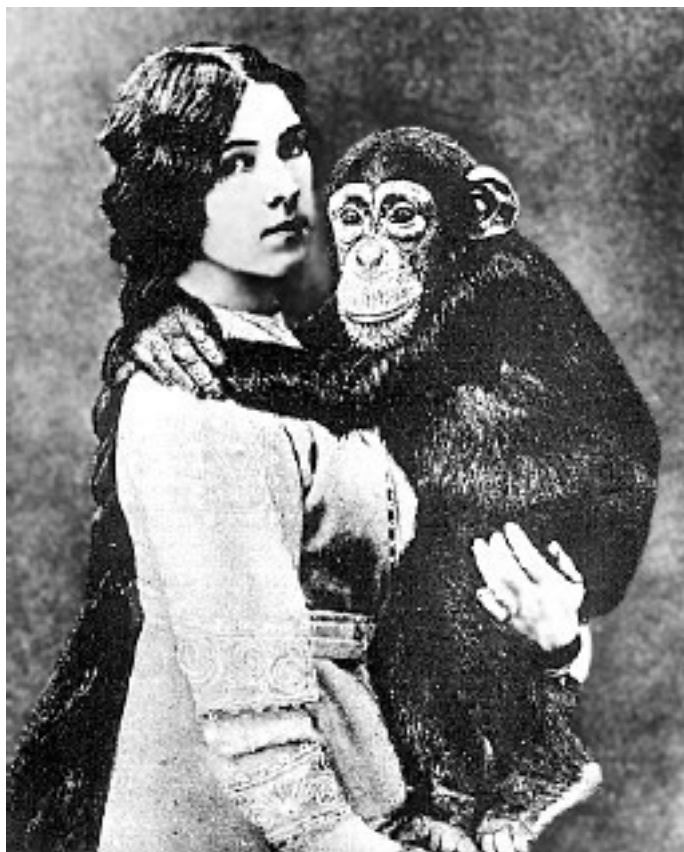
1979 год стал для участников языковых проектов с антропоидами годом идейного раскола. Его началом послужило «отступничество» Террейса.

Разбираясь в видеозаписях жестикулирующего шимпанзе, Террейс обратил внимание на жестовую речь обучающего человека. И тут открылось, что Ним в своих ответах повторяет большинство знаков, которые перед этим встречались во «фразе» тренера. Это прозвучало как гром среди ясного неба. Обезьяны не общаются с человеком, а просто «обезьянничают»! Обнаружив, что чем больше она подражает человеку, тем скорее получает лакомство, и вставляя подходящие для всех случаев жесты «Ним» и «мне», обезьяна фактически говорит по подсказке и создает впечатление диалога.

Предчувствуя, что ответственность за столь прозаичное объяснение может быть возложена на несовершенство его методики, Террейс проанализировал фильмы Гарднеров об Уошо и пришел к выводу, что Уошо тоже получала подсказку от своих учителей. Возмущенные Гарднеры не дали Террейсу разрешения использовать в своих докладах их материалы.

В мае 1980 года в нью-йоркском отеле «Рузвельт» состоялась конференция, проходившая под эгидой Академии наук. Приглашенные на нее иллюзионисты и дрессировщики поставили зоопсихологов в довольно неловкое положение. Из всех придирчиво рассмотренных фактов вытекал неутешительный вывод: лингвистические эксперименты с антропоидами можно разделить на две категории – прямая подделка фактов и неумышленный самообман. Гарднеры предусмотрительно отказались от участия в конференции.

Тем не менее впечатляющие эксперименты продолжают по сей день, будоража умы обывателей, незнакомых с историей вопроса.

Н.Н. Ладыгина-Котс с шимпанзе

Более того, совершенно очевидно, что аналогия нашей и обезьяньей психики – это занимательная, но антинаучная метафора. Тут уместно вспомнить результаты, полученные уже упоминавшейся Н.Н. Ладыгиной-Котс, опубликованные ею в книге «Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях», и так по сей день никем убедительно не опровергнутые. Наряду с тем, что Ладыгиной-Котс удалось показать некоторое сходство между психикой обезьяны и человека, определяемое единством развития жизни в процессе эволюции организмов, она тем не менее убедительно продемонстрировала отличия конкретно-чувственного мышления шимпанзе, основывающегося на использовании пространственно-временных связей, от абстрактного обобщенного мышления человека, вскрывающего причинно-следственные связи. Вывод: основные психические процессы человека и приматов качественно различны; эти различия определяются существованием человека в социуме, то есть качественно своеобразная психическая жизнь человека социальна по своему происхождению и по своей сущности.

Умиляться «человечности» зверя на самом деле просто наивно (что, разумеется, не ставит под сомнение необходимость гуманного отношения к братьям нашим меньшим, хотя они и вряд ли наши братья по разуму). Тем не менее некоторые научные данные, полученные в ходе опытов над животными, могут оказаться по-настоящему поучительны. Наверное, самый яркий пример – опыты Гарри Харлоу по воспитанию обезьянок с помощью «суррогатной матери», позволившие по-новому оценить механизмы формирования эмоциональной привязанности. Сегодня этот эксперимент, наводящий на весьма далекие от зоопсихологии размышления, описан во многих учебниках.

Согласно бытовавшему долгое время представлению, привязанность любого детеныша к матери обусловлена тем, что мать выступает источником удовлетворения потребности в пище. Харлоу решил проверить эту гипотезу путем подмены матери для молодых обезьянок, содержащихся с рождения в изоляции, двумя манекенами разного типа. Первый манекен представ-

лял собой полый цилиндр, сделанный из железной проволоки и снабженный соской; сверху к цилиндру было прикреплено грубое подобие головы. Второй манекен был обтянут мягким плюшем и снабжен обогревающим устройством, которое поддерживало температуру, близкую к температуре тела. Исследователи измеряли время, проводимое детенышами на каждом из двух манекенов, а также их реакции по отношению к манекенам в новой, непривычной обстановке, порождающей беспокойство.

Результаты прямо противоречили традиционной гипотезе. Малыши привязывались исключительно к плюшевому манекену, а к проволочному подходили только для того, чтобы покормиться. Таким образом, становилось очевидно, что приятное чувство от соприкосновения с теплым предметом, даже если это только физический контакт, играет главную роль в формировании привязанности.

Самое резкое различие между детенышами, один из которых рос в контакте с плюшевым манекеном, а другой – с проволочным, касалось поведения в новой для них ситуации. Первый сравнительно быстро начинал исследовать обстановку, возвращаясь бегом к своей «матери» каждый раз, когда пугался чего-либо; второй же замирал и не мог сдвинуться с места ни на шаг. Контакт с теплым предметом, видимо, способствует выработке чувства безопасности и уменьшает стресс, возникающий в неожиданных ситуациях. У детеныша при «матери» из железной проволоки эмоциональное напряжение усиливалось с каждым днем.

Тем не менее воспитанники плюшевой «матери» никогда не могли сравняться по гармоничности своего поведения с малышами, воспитанными родной матерью. Многочисленные трудности проявились, в частности, при социальных контактах, в которых пришлось впоследствии участвовать детенышам, выросшим в изоляции. Сильно затрудненными оказались отношения с другими молодыми обезьянками, в особенности с половыми партнерами, а самки не умели «нормально» обращаться со своими детенышами.

Вспоминая эксперимент Харлоу, иной раз в толпе так и видишь детишек, выращенных «проволочной» или «плюшевой» мамой. И сразу узнаешь ребенка настоящей мамы...

АПАТИЯ (от греч. *apatheia* – бесстрастность) – нарушение эмоционально-волевой сферы, характеризующееся отсутствием эмоциональных проявлений, ослаблением интересов и побуждений, безразличием к себе и людям, к событиям окружающей действительности. Возникает при некоторых органических поражениях головного мозга, а также в результате длительных расстройств психики. **Апатию как болезненный симптом следует отличать от временной эмоциональной подавленности вследствие объективных неприятных событий.**

С позиций психоанализа апатия представляет собой результат работы защитных механизмов, способствующих нейтрализации мучительных переживаний и *рассасыванию* внутрипсихических конфликтов путем такого изменения жизненных установок, при котором желания и потребности человека утрачивают для него какую-либо значимость. Она может быть своеобразной формой защиты, позволяющей избегать разрушающих психику переживаний, связанных с чувствами безнадежного отчаяния.

АПЕРЦЕПЦИЯ (от лат. *ad* – как + *perceptio* – восприятие) – зависимость восприятия от общей направленности и всего предшествующего опыта человека. Термин «апперцепция» введен Г.В.Лейбницем. И.Ф.Герbart считал, что всякое новое представление осознается и истолковывается при условии его связи с родственными представлениями прошлого опыта, которые он назвал апперцепцирующей массой. Сам же процесс соединения и есть апперцепция. Именно апперцепция определяет отчетливость, правильность и прочность восприятия и усвоения нового знания. Развитое Герbartом понимание апперцепции явилось теоретической основой его педагогического учения о принципах и приемах усвоения знаний. Учение Гербарта

об апперцепции применительно к педагогике использовалось У.Джемсом, П.Ф.Каптеревым. Понятие апперцепции получило широкое распространение в психологии благодаря работам В.Вундта, придавшего ему смысл объяснительного принципа работы сознания. Вундт поставил в зависимость от апперцепции сложные деятельности сознания – внимание, мышление, а также волевые процессы.

Современная психология сохраняет название апперцепции для обозначения того факта, что прежний опыт отражается на каждом психическом процессе; **один и тот же объект воспринимается различно в зависимости от мировоззрения человека, его образования, профессиональной принадлежности, социального опыта**. Существуют данные, раскрывающие действительные механизмы восприятия, объясняющие его как живой творческий процесс познания, в котором отражается не мгновенное воздействие, но весь опыт личности.

К. Г. Юнг

АРХЕТИП (от греч. arche – начало + typos – образ) – понятие античной философии, означающее прообраз, первичную форму, изначальный образец. В научный лексикон термин вновь введен К.Г.Юнгом, который так называл **изначальные, врожденные психические структуры, скрытые в коллективном бессознательном**, общем для всего человечества. По Юнгу, архетипы задают общую структуру личности, определяют особенности ее поведения, мышления, чувствования, присутствуют в психике каждого человека, наполняясь конкретным содержанием. С особой отчетливостью архетипы проявляются в мифических повествованиях, сказках, сновидениях, а также при некоторых расстройствах психики. В современной научной литературе и публицистике иногда используется расширительное толкование архетипов как глубинных представлений, общих для социальных классов, народов и др.

АССЕРТИВНОСТЬ – термин, заимствованный из английского языка, где он выступает производным от глагола *assert* – *настаивать на своем, отстаивать свои права*. В обыденной речи употребляется редко, но в психологическом жаргоне с недавних пор утвердился довольно прочно.

Как и во множестве подобных случаев, слово, использованное для определения психологического феномена, приобрело более определенное и специфическое значение, нежели в обыденной, житейской лексике. **Под асертивностью стала пониматься определенная личностная черта, которую можно определить как автономию, независимость от внешних влияний и оценок, способность самостоятельно регулировать собственное поведение.** Таким образом, вполне оправданно допустить очень близкую аналогию с другим модным понятием – *самодостаточность*. В самом деле, содержание этих понятий пересекается почти полностью, и, наверное, можно было бы ограничиться последним, тем более что его значение достаточно ясно. Однако и термин *асертивность* (вероятно, в силу необъяснимой склонности отечественных психологов вместо родного языка изъясняться на пиджин-инглиш) получил у нас распространение, хотя еще и не успел войти ни в один психологический словарь.

Концепция асертивности оформилась в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в трудах американского психолога А.Солтера и впитала в себя ключевые положения входившей в ту пору в моду гуманистической психологии – в частности **противопоставление самореализации бездушному манипулированию людьми, а также трансактного анализа.**

В теории Солтера асертивное поведение рассматривается как оптимальный, самый конструктивный способ межличностного взаимодействия, да пожалуй и мироощущения в целом, в противовес двум самым распространенным деструктивным способам – манипуляции и агрессии. Традиционные механизмы социализации невольно формируют уязвимость человека перед всевозможными манипуляциями со стороны других людей. Человек оказывается слишком подвержен внешним влияниям, а окружающие часто злоупотребляют этим, манипулируя им в своих корыстных целях. Сталкиваясь с неприемлемыми требованиями, он не находит сил им противоречить и скрепя сердце подчиняется вопреки своим собственным желаниям и установкам. А собственные требования и притязания он, напротив, зачастую не решается даже высказать. Постоянно сверяя свои побуждения и поступки с чужими ожиданиями и оценками, человек стесняется своих чувств, боится показать свое подлинное лицо. Пытаясь преодолеть неловкость такого положения, человек сам невольно учится манипулятивным приемам, учится отвечать агрессией на агрессию или просто на критику, пускай даже справедливую. Если такая тактика и дает эффект, то лишь временный и по большому счету иллюзорный, поскольку не обогащает, а, наоборот, обедняет человека как в плане межличностных отношений, так и в плане душевного комфорта.

Формирование асертивности как личностной черты в первую очередь предусматривает, чтобы человек отдал себе отчет, насколько его поведение определяется его собственными склонностями и побуждениями, а насколько – кем-то навязанными установками. Эта процедура во многом схожа со сценарным анализом Эрика Берна, то есть, по терминологии Берна, требует осознать, кем и когда прописаны основные линии сценария вашей жизни, а также устраивает ли вас этот сценарий, а если нет – то в каком направлении следует его откорректировать. Часто оказывается, что человек находится во власти установок, чуждых его подлинному существу, и от этого безотчетно страдает. Ему предлагается не только взять на себя главную роль в сценарии собственной жизни, но и фактически переписать сценарий и выступить режиссером всей постановки.

По сути дела, кодекс этих прав, составляющих ключевые положения любого тренинга асертивности, является облоймой новых, асертивных установок, которые предлагается усвоить взамен прежних, якобы негодных. Вот эти волшебные права, или правила.

Вы имеете право сами судить о своем поведении, мыслях и эмоциях и несете ответственность за их последствия.

Вы имеете право не давать никаких объяснений и обоснований, оправдывающих ваше поведение.

Вы имеете право сами решить, отвечаете ли и в какой мере за проблемы других людей.

Вы имеете право менять свои взгляды.

Вы имеете право совершать ошибки и отвечать за них.

Вы имеете право сказать: «Я не знаю».

Вы имеете право не зависеть от доброй воли других людей.

Вы имеете право на нелогичные решения.

Вы имеете право сказать: «Я тебя не понимаю».

Вы имеете право сказать: «Меня это не волнует».

АССОЦИАЦИЯ (от ср. – век. лат. associatio – соединение) – связь психических процессов (ощущений, представлений, мыслей, чувств, движений и т. п.), при которой протекание одного из процессов вызывает появление другого. Термин введен Дж. Локком (1698), хотя само явление связи психических процессов было отмечено еще Платоном и Аристотелем. Последний различал три вида ассоциаций: по смежности, сходству и контрасту. Ассоциации по смежности являются отражением в сознании пространственно-временных отношений предметов и явлений; ассоциации по сходству наблюдаются, когда образы предметов и явлений или мысли о них вызывают представления о чем-либо сходном с ними; по контрасту ассоциируются резко различающиеся явления. Наряду с этими видами ассоциаций существуют и другие виды связей, соответствующие более сложным зависимостям между объектами, например причинно-следственным отношениям.

В XVIII в. принцип ассоциации был распространен на все психические явления. Научное направление, придерживающееся данного принципа (хотя по существу весьма разнородное), получило название ассоцианизма (впоследствии – ассоциативная психология). В рамках этого направления принцип ассоциации трактовался различно: Дж. Беркли и Д.Юм рассматривали ассоциацию как связь феноменов в сознании, Д.Гартли – как связь в телесном субстрате. В начале XIX в. появились концепции, отделившие ассоциацию от ее телесного субстрата и представившие ее в виде имманентного качества познания (Т.Браун, Джеймс Милль, Джон Стюарт Милль). Утверждалось воззрение, согласно которому психика (отождествлявшаяся с сознанием) построена из элементов – ощущений; элементы – первичны, сложные психические образования (представления, мысли, чувства) – вторичны и возникают посредством ассоциаций; условием образования ассоциаций является смежность двух психических процессов; закрепление ассоциаций обусловлено подвижностью ассоциируемых элементов и частотой повторения ассоциаций в опыте.

Эволюционный подход Г.Спенсера внес в ассоцианизм проблему развития психики и привел к важному выводу об адаптивной функции психики в поведении. В 80—90-е гг. XIX в.

были предприняты многочисленные исследования условий образования и актуализации ассоциаций (Г.Эббингауз, Г.Мюллер и др.).

Естественно-научное объяснение ассоциации была предложено И.П.Павловым, который показал, что **основой всех видов ассоциаций являются временные нервные связи**. Павлов считал понятие ассоциации одним из важнейших в психологии и полагал, что оно открывает путь для соотнесения психических явлений с физиологическими процессами.

Принцип ассоциации нашел оригинальное воплощение в психоанализе. Так называемый метод свободных ассоциаций был использован З.Фрейдом в качестве одного из основных диагностических приемов, позволяющих посредством анализа взаимосвязи слов-стимулов и ответов пациента выявить особенности бессознательной мотивации поведения. К.Г.Юнгом был разработан так называемый ассоциативный эксперимент для выявления скрытых аффективных комплексов. В СССР А.Р.Лурия на основе этого метода разработал так называемую сопряженную моторную методику, использованную, в частности, в криминалистической практике.

Л.С.Выготский использовал понятие ассоциации в своей теории развития мышления. Так называемый ассоциативный комплекс рассматривался им как этап онтогенеза мышления, предшествующий становлению научных понятий. (В отличие от подведения под понятие по существенному признаку, ассоциативный комплекс образуется ребенком дошкольного возраста посредством объединения явлений по принципу сходства отдельных элементов соседствующих явлений.)

Изучение ассоциаций с целью выявления особенностей различных психических процессов используется и в современной психологии (в частности, проблема смысловых ассоциаций, их роль в обучении).

В социальной психологии под ассоциацией понимается группа, в которой отсутствуют объединяющая ее совместная деятельность, организация и управление, а ценностные ориентации, определяющие межличностные отношения, проявляются в условиях группового общения.

АСТЕНИЯ (от греч. *asthenia* – слабость) – болезненное состояние, характеризующееся повышенной утомляемостью, истощаемостью, неспособностью к длительному умственному и физическому напряжению. Может быть обусловлена перенесенными заболеваниями (острые инфекции, ревматизм и др.), физическими и психическими перегрузками, а также функциональной или органической неполноценностью головного мозга (церебрастения). Для последнего случая характерны прежде всего признаки истощаемости нервной системы, проявляющиеся главным образом в эмоциональной и интеллектуальной сферах. Это повышенная чувствительность, раздражительность, обидчивость или, наоборот, вялость, пассивность. Часто наблюдается пониженное настроение с ощущением физического дискомфорта. Интеллектуальная истощаемость проявляется неспособностью к длительной концентрации внимания, снижением памяти, замедлением темпа умственной деятельности. Люди, страдающие церебрастенией, плохо переносят жару, яркий свет, шум, жалуются на головные боли; у них нередко нарушаются аппетит и сон. Длительная астения (церебрастения) в детском возрасте может сопровождаться задержкой психического развития.

АСТРОЛОГИЯ

Трагические события 11 сентября 2001 года потрясли весь цивилизованный мир и заставили ликовать мир варваров. В тот день в Нью-Йорке по вине исламских фанатиков тысячи мирных граждан погибли под обломками зданий Всемирного торгового центра. В этой ситуации поражает беспомощность американской охранки, проворонившей преступные замыслы террористов. Впрочем, опростоволосившихся пинкертонов отчасти можно понять: ни им, ни кому бы то ни было другому даже в голову не могла прийти возможность столь дерзкой и мас-

штабной диверсии. Но речь сейчас не о них, а о других специалистах по предвидению – об астрологах. Накануне трагедии никто из них даже о ней не предупредил! (Запоздалые попытки некоторых астрологов доказать свою проницательность задним числом выглядят нелепо и несолидно. Если вы и в самом деле заранее знали о трагедии, почему ограничились туманными намеками, а не кричали во весь голос?!) Астрологи сели в ту же лужу, что и спецслужбы. Им точно так же даже не хватило воображения, чтобы оценить вероятность столь маловероятного события. А ведь событие произошло поистине грандиозное. Неужели оно никак заранее не высветилось на звездном небе – там, где миллионы поклонников астрологии ухитряются усматривать предсказания своих мелких недомоганий и копеечных сделок? А может быть, и невозможно было в небе узреть предсказание, потому что его там просто не было? Как не было в головах тех, кто с надеждой смотрит в небо...

Интересно и другое. 11 сентября 2001 года под обломками небоскребов-близнецов нашли свою страшную смерть несколько тысяч людей разного пола, возраста и национальности. Буквально в одночасье все они разделили одну общую трагическую судьбу. Наверняка были среди них и те, кто заранее сверял жизненные планы с персональным гороскопом. Ведь, по некоторым статистическим данным, почти половина населения развитых промышленных стран верит в астрологические прогнозы. Почему же никто из них в этот день не удержался от того, чтобы направиться навстречу ужасной смерти? Не потому ли, что ни один гороскоп не указал на такую вероятность с достаточной ясностью? Наверняка будущим жертвам были предсказаны мелкие бытовые аварии, хвори вроде насморка, склоки с коллегами или нелады в семье... Но где же самое главное – яркий и трагический исход всего жизненного пути? Неужели астрология на это не способна? Похоже, что так.

Астрологи утверждают, что судьба человека зависит от сугубо индивидуального сочетания звезд в момент его рождения. Однако для тысяч разных людей, родившихся в разных концах Земли в разные годы и дни, 11 сентября 2001 года в их судьбе была поставлена одинаковая трагическая точка. Что скажут на это астрологи? Похоже, что сказать им нечего. По крайней мере, ничего вразумительного.

Почему же вопреки здравому смыслу миллионы людей во всем мире продолжают возлагать надежды на астрологию, как делали это еще тысячелетия назад их неграмотные полудикие предки? Наверное, не потому, что гороскопы способны полно и исчерпывающе предсказать грядущие события, как это видно хотя бы на приведенном выше примере. Но то, что они предсказывают, в самом деле каким-то необъяснимым образом сбывается. Впрочем, если разобраться, то вполне объяснимым.

Каждый из нас знает, какие существуют популярные астрологические толкования и схемы. Сегодня почти любая газета содержит астрологическую рубрику. Открываем наугад одну из свежих газет и читаем, например, совет, который дается рожденным под созвездием Рака: «Избегайте спорных тем. Старшее, более опытное лицо даст вам полезный совет». Родившемуся под созвездием Козерога предсказывается: «Сторонитесь несдержанных и раздражительных людей, так как общение с ними может принести сильное огорчение. Телефонный звонок принесет неожиданную весть от давнего знакомого». Волшебным образом оба предсказания говорят правду, но при этом каждое в большей или меньшей мере применимо и к другой персоне! Рак может получить телефонный звонок от бывшего одноклассника или прежнего сослуживца, а Козерог – получить дельный совет от пожилого товарища или родственника (не секрет, что советы – любимый конек стариков; наверное, они потому так любят давать хорошие советы, что уже не могут служить дурным примером). Другие рекомендации (избегать дискуссионных тем и вздорных людей) являются столь общими и содержат настолько большую долю простого здравого смысла, что их ценность совсем невелика.

Американские психологи Р.Солсо, Х.Джонсон и К.Бил провели небольшой эксперимент со своими студентами, изучающими экспериментальную психологию. Студентам три раза

в неделю выдавали «их» гороскопы, а через две недели попросили оценить достоверность полученных предсказаний. Большинство студентов оценили прогнозы как скорее точные, чем неточные. Особенность эксперимента состояла в том, что лишь половина группы получила «правильные» гороскопы, а половине достались гороскопы, не соответствовавшие их дате рождения, то есть они получили гороскопы, составленные для других лиц. Тем не менее в определении предсказательной ценности обеими группами не было обнаружено никаких различий. Люди охотно принимали на веру любой вариант прогноза.

С ходом времени предсказания кажутся все более и более оправдывающимися. На эту особенность памяти обратил внимание еще Фрейд: человеку свойственно помнить положительные высказывания о себе и своем будущем и забывать отрицательные. Важно и то, что услуги астролога, как правило, довольно дорого стоят. Заплатив за личную консультацию или за журнал, посвященный гороскопам, вы подсознательно не пожелаете признать, что выбросили деньги зря.

И еще один эффект, известный психологам как «самоподтверждающееся пророчество». Гороскопы оказывают определенное влияние на людей, для которых они составлены. Так, прочитав, что вашему знаку Зодиака свойственна особенная честность, вы будете стараться не ударить в грязь лицом и поддержать репутацию своего созвездия.

Так или иначе, **любая попытка составить психологический портрет** личности на основе зодиакальной принадлежности рискует оказаться далека от истины. Еще в далекой древности знаменитый оратор Цицерон в полемике с астрологами указывал на очевидный факт: люди, рожденные в один и тот же момент, имеют весьма несхожие характеры, не говоря уже о судьбе.

Однозначно можно судить лишь об одном. Если *некто* безразлично или с иронией относится к астрологии, то наверняка перед нами человек трезвый, здравомыслящий, не подверженный иллюзиям, не склонный поддаваться внушению, достаточно сильный и уверенный в себе.

Означает ли все сказанное, что астрологические толкования и прогнозы и вовсе лишены всякого смысла и никак не связаны с мироощущением человека и его судьбой? Не будем торопиться с категоричным ответом. Ибо некоторая зависимость все-таки установлена, хотя она тоже скорее носит характер предрассудка. Как заявил французский журнал «Сьянс э ви», опубликовавший исследование ученых Калифорнийского университета, знание суеверными людьми своего гороскопа может существенно сказаться на состоянии их здоровья и даже сократить им жизнь. Калифорнийские психологи обследовали большую выборку американцев китайского происхождения. Многие из них вполне ассимилировались на новой родине и отошли от восточных традиций. Иные, напротив, сохранили приверженность многим убеждениям своих предков, в частности – веру в восточную астрологию. В китайской астрологии череда лет делится на циклы, в каждом цикле каждый год проходит под знаком одного из природных элементов – огня, воды, земли, металла и дерева. Те же элементы «ответственны» и за функционирование определенных органов человеческого тела и определяют заболевания этих органов. Так, огонь в китайской астрологии ассоциируется с сердцем. Поэтому считается, что человек, родившийся в год огня, будет подвержен сердечно-сосудистым заболеваниям и, скорее всего, от них и умрет, причем именно в год огня. Если человек искренне верит такому прогнозу, то оно также способно обернуться «самовоплощающимся пророчеством». Ведь от самовнушения до заболевания путь недолог. Анализ ученых показал, что свято верящие в гороскопы люди в обследованной ими выборке живут в среднем на пять лет меньше, чем те, кто скептически относится к астрологии.

Однако нельзя отрицать и того факта, что определенные различия, обусловленные датой рождения (увязывать которую или нет со знаком Зодиака – вопрос вкуса), все-таки существуют. Психологи в значительной степени допускают, что такие факторы, как влияние сол-

нечной активности на эмбрион, а также время зачатия (зима, весна, лето, осень – что связано с питанием матери и ее еще не родившегося ребенка) могут обусловить некоторые психологические особенности человека. Например, выдвигается следующая гипотеза. После того как на Земле установился современный климат, весь животный мир планеты из поколения в поколение приурочился к устойчивому «графику любви». Из потомства, появлявшегося на свет в разное время года, в средних широтах выживали лишь те детеныши, которые рождались в конце одной зимы и успевали окрепнуть до наступления следующей. Соответственно и прилив любовной энергии животные «привыкли» ощущать именно тогда, когда зачатие гарантирует весеннее деторождение.

Существует научная теория, что и люди в те времена влюблялись только в мае, с тем чтобы родить детей через девять месяцев, в конце зимы – в феврале. Косвенным подтверждением этой теории можно признать очевидную любовную активность человечества по весне и резкий взлет статистики изнасилований в этот период. Со временем человек создал себе искусственную окружающую среду – дома, одежду, – и все больше детей, зачатых не в мае, благополучно выживали. Так постепенно в комфорте жилищ медовый месяц май растянулся на медовый год. И дети стали появляться не только в феврале, но и в любое другое время года. Вместе с человеком «заниматься любовью во всякое время» стали и некоторые домашние животные, например кошки и собаки.

Согласно той же теории, февральские младенцы по всем биологическим показателям должны выигрывать у всех остальных – их генетическое благополучие «оплатили» тысячи поколений предков. Это подтвердили исследования российского ученого Евгения Виноградова. Он обработал демографическую статистику десяти европейских стран и вывел график рождаемости талантов. Результат получился однозначный – **по количеству гениев всех времен и народов февраль является безусловным лидером**. Сомневающиеся могут провести несложный, хотя и утомительный опыт: проштудируйте «Большую Советскую Энциклопедию». Больше всего выдающихся личностей, упомянутых в БСЭ, родились именно в феврале.

А американский профессор Д. Фиклинг не поленился проанализировать биографические данные десятков тысяч людей, упомянутых в современных энциклопедиях. Он поставил задачу установить среднюю продолжительность жизни в зависимости от даты рождения, то есть от принадлежности к определенному знаку Зодиака. Понятно, что в подсчетах использовались данные только тех, кто умер естественной смертью. На основании скрупулезных подсчетов Фиклинг составил следующую таблицу продолжительности жизни мужчин и женщин в зависимости от зодиакальной принадлежности.

Козерог (22 декабря – 20 января) – мужчины – 77,5, женщины – 80 лет.

Водолей (21 января – 19 февраля) – соответственно 71,5 и 71,5.

Рыбы (20 февраля – 20 марта) – 71 и 75.

Овен (21 марта – 20 апреля) – 79 и 78.

Телец (21 апреля – 21 мая) – 81,5 и 79,5.

Близнецы (22 мая – 21 июня) – 78 и 81,5.

Рак (22 июня – 23 июля) – 68 и 73.

Лев (24 июля – 23 августа) – 74 и 74,5.

Дева (24 августа – 23 сентября) – 76,5 и 80,5.

Весы (24 сентября – 23 октября) – 73 и 77.

Скорпион (24 октября – 22 ноября) – 68,5 и 72,5.

Стрелец (23 ноября – 21 декабря) – 62 и 63,5.

Выявленную зависимость трудно беспристрастно оценить, однако статистические факты – вещь упрямая. Впрочем, к психологии исследование профессора Фиклинга имеет косвенное

отношение. Иное дело – сугубо психологические параллели, которые, оказывается, тоже были выявлены.

В 1978 г. в «Журнале социальной психологии» была опубликована статья Д.Мэйо, О.У-айта и Г.Айзенка, в которой авторы предположили, что существует связь между двумя основными характеристиками личности, измеряемыми с помощью теста английского психолога Г.Айзенка: экстраверсией-интроверсией, неустойчивостью-стабильностью – и зодиакальным месяцем, в котором родился человек.

Г. Ю. Айзенк известен многими работами, в том числе и о связи личности со знаками Зодиака

Первая характеристика подразделяет людей на экстравертов («обращенных наружу») и интровертов («обращенных в себя»). Экстраверты требуют постоянной стимуляции от внешней среды, они общительны, стремятся к новым впечатлениям, склонны к риску, любят перемены, готовы к быстрым реакциям. Для них характерна раскованность поведения, оптимизм, веселость, а также вспыльчивость, некоторая агрессивность, поверхностность в восприятии людей и явлений.

Интроверты, наоборот, стимулы жизненной активности черпают изнутри, живут своим богатым внутренним миром. Они замкнуты, малообщительны, медлительны, серьезны, сдержанны, любят порядок, склонны к самосозерцанию, дружат преданно, но с немногими, избегают шумных компаний.

Вторая характеристика подразделяет людей на тревожных (нестабильных), то есть повышено чувствительных к неудачам и ошибкам, склонных к самообвинениям, постоянно стремящихся к совершенствованию, – и эмоционально стабильных, то есть уравновешенных, стрессоустойчивых.

Английские психологи обнаружили следующие зависимости: Овен, Близнецы, Лев, Весы, Стрелец и Водолей являются преимущественно экстравертами, а Телец, Рак, Дева, Скорпион, Козерог и Рыбы – интровертами. При этом Рак, Скорпион, Рыбы являются более эмоциональными, чем другие знаки Зодиака.

Отечественные психологи также пытались выявить зависимость выраженности личностных черт от зодиакального месяца рождения. Согласно данным психолога В.Н.Дружинина, женщины, рожденные под знаками Телец, Дева, Водолей, в большей степени экстраверты, чем рожденные в другие месяцы, а Лев и Козерог – более интроверты. Мужчины-Водолеи, в отличие от женщин этого знака, интроверты. Что касается второй личностной характеристики, то женщинам, рожденным в Тельце, Льве, Скорпионе, скорее присуща эмоциональная устойчивость, а Овнам, Ракам, Весам – тревожность. Мужчины же Овны, Львы, Скорпионы, Водолеи, Тельцы отличаются уравновешенностью и стрессоустойчивостью. Кроме того, и мужчины, и женщины – Львы, Тельцы, Скорпионы, Водолеи обладают, как правило, высоким интеллектом и самоконтролем, они редко пасуют в сложных ситуациях.

Возможно, новые исследования откроют нам другие, не менее интересные точки соприкосновения психологического и астрологического знания о человеке. А пока будем осторожны в своих суждениях по этому поводу.

АТТИТЮД – эмоционально окрашенное отношение, нередко безотчетное, к каким-либо людям или явлениям, порождающее определенное поведение по отношению к ним; приблизительный синоним – социальная установка. Существует и иное определение, акцентирующее именно **предрасположенность, склонность человека к определенному социальному поведению, продиктованную субъективным отношением**. Вообще, как любое недостаточно полно изученное психологическое явление (а какое, скажите, изучено достаточно полно?), аттитюд имеет множество определений. Еще в 1935 г. Г.Оллпорт насчитал их семнадцать. А если учесть, что в гуманитарных науках количество формулировок прирастает гораздо активнее научного знания, то сегодня разнообразными дефинициями, взаимно пересекающимися и дополняющими друг друга, легко заполнить всю газетную полосу. Гораздо продуктивнее, однако, рассмотреть явление в его сути.

Содержание термина обычно помогает прояснить его этимология. Но в данном случае и этот вопрос – дискуссионный. Предполагается, что этимологически термин восходит к французскому слову *attitude* – поза. В таком значении он фигурирует в ряде областей, в частности в медицине (так обозначается позиция тела, особенно в связи с положением конечностей) и даже... в балете – так называется одна из поз классического танца. В этологии и сравнительной психологии термин используется в близком значении – как готовность, или «намерение», совершить определенное движение; так, животное, припавшее к земле для нападения, может быть описано как «обладающее аттитюдом к атаке». Но есть и другая версия, согласно которой слово восходит к латинскому *aptitudo* – пригодность, соответствие. Соответственно, **аттитюд трактуется как предрасположенность субъекта к совершению определенного социального действия в силу особой способности, склонности совершить именно его**.

В обиход социальных наук термин был введен У.Томасом и Ф.Знаецким в их 5-томном исследовании «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920). Эти авторы понимали аттитюд как предрасположенность личности к определенным групповым ценностям (деньгам, славе, близким и чужим людям и пр.), детерминирующим социально принятые формы поведения.

В 1942 г. М.Смит предложил рассматривать аттитюд в совокупности трех его компонентов:

1) когнитивного – осознание объекта аттитюда, обычно выражающееся в убеждении или мнении, нередко основанном на социальном стереотипе;

2) аффективного – эмоциональная оценка объекта аттитюда, переживание симпатии или антипатии к нему, что тоже может быть продиктовано стереотипом;

3) поведенческого, или конативного, компонента, отражающего предрасположенность к действию.

Впрочем, многими эмпирическими исследованиями была обнаружена возможность рас- согласования как между отдельными компонентами аттитюда, так и между аттитюдами и реальным поведением. Наиболее явно это проявилось в так называемом феномене Лапьера.

Можно было бы предположить, что парадокс Лапьера – это частный феномен, не отражающий природу человеческого поведения в целом. Ведь большинство из нас интуитивно убеждены, что поведение с изрядной долей достоверности можно предсказать, исходя из аттитюдов.

Однако в 1969 г. Ален Уикер осуществил детальный обзор более сорока исследований аттитюдно-поведенческих взаимосвязей. В этих исследованиях изучались такие весьма разнообразные аттитюды, как удовлетворенность работой, этнические предрассудки, потребительские предпочтения и политические убеждения. Уикеру удалось обнаружить лишь слабые свидетельства в пользу гипотезы о том, что по аттитюдам можно предсказать поведение. Вот к какому выводу он пришел: «В целом данные исследования дают основания заключить, что предположение об отсутствии связи или о наличии лишь слабой связи между аттитюдами и реальным поведением гораздо вероятнее, чем предположение об их тесной связи». В этой связи понятно пессимистическое заключение Уикера: «Наверное, хорошо было бы вообще обойтись без понятия аттитюда».

Э.Аронсон в своем обширном обзоре исследований аттитюдов приходит к следующим выводам.

Первый вывод состоит в том, что тонкие, подчас незаметные ситуативные переменные в действительности часто являются сильными детерминантами нашего поведения, перевешивая роль внутренних социальных установок.

Второй вывод: большинство людей склонны не замечать важности ситуативных факторов в объяснении поведения, предпочитая им объяснения, основанные на предположениях о личностных свойствах и аттитюдах.

Иными словами, большинство из нас считает, что аттитюды людей действительно предсказывают их поведение, и мы слишком полагаемся на это убеждение в интерпретации поведения других людей. Мы видим наличие взаимосвязи между аттитюдами и поведением даже тогда, когда в реальности этой взаимосвязи может и не быть.

Однако, отмечает Аронсон, в отдельных случаях аттитюды действительно предсказывают поведение. Когда аттитюд оказывается легкодоступен, то есть когда он легко приходит в голову, тогда он с большей вероятностью предскажет наше поведение. (Одним из показателей доступности аттитюда является скорость, с которой человек может «выдать» оценочную реакцию на какой-либо объект или какую-то проблему.) Легкодоступные аттитюды окрашивают и модифицируют нашу интерпретацию окружающего социального мира. Далее мы действуем, основываясь на этой интерпретации, и наши действия создают мир, который существовал до этого лишь в нашем восприятии.

В заключение следует также отметить, что в отечественной психологии при обсуждении проблемы аттитюдов по сей день предпочтение отдается термину «социальная установка» (характерно, что переводчик известного учебника по социальной психологии Д.Майерса предпочел транслитеровать данный термин просто как *установка*). Это создает некоторые сложности в связи с необходимостью разграничения с общепсихологическим понятием установки, в частности с тем, что разрабатывалось в школе Д.Н.Узнадзе. (Попытки изложения идей Узнадзе на иностранных языках, в частности на английском, приводили к похожему затруднению, так как для перевода слова *установка* избирался английский «эквивалент» *attitude*). Здесь просто необходимо иметь в виду, что различия касаются объекта установки, возможно-

сти ее осознания, наличия или отсутствия знакового опосредования. Впрочем, ввиду снижения популярности идей Узнадзе в последние годы (вызванного далекими от науки причинами) такое разграничение продолжает занимать лишь немногих психологов-теоретиков советской закалки. Те, кто пришел им на смену, **понятия установка и attitude** часто используют просто как синонимы.

АУТИЗМ

28 сентября в историческом календаре Американской психологической ассоциации (АПА) отмечено как «день рождения» понятия «аутизм». Авторы этого календаря, опубликованного в Интернете, отмечают, что само понятие было введено в научный обиход Лео Каннером. 28 сентября 1944 г. увидела свет первая публикация на эту тему – статья Каннера «Ранний детский аутизм» в «Педиатрическом журнале» (*Journal of Pediatrics*).

Понятие «аутизм», как и многие иные, первоначально сугубо научные понятия (например, «амбивалентность», «толерантность», «фрустрация»), прочно вошло в обиходный лексикон и сегодня употребляется довольно часто. Тому немало способствовал удостоенный нескольких «Оскаров» кинофильм «Человек дождя», в котором роль инвалида, страдающего аутизмом, блестяще сыграл Дасти Хохфман. (Просмотр и анализ этого фильма нелишне было бы в качестве элемента профессиональной подготовки включить в курс обучения психологов.)

На самом деле термин «аутизм» (от греческого *autos* – сам) еще в 1912 г. (когда Каннеру едва исполнилось 18 лет) ввел швейцарский психиатр Э.Блейлер – не только крупнейший ученый, но и мастер научного словотворчества (ему, в частности, также принадлежат термины «амбивалентность» и «шизофрения»). В своей книге «Аутистическое мышление» он трактовал аутизм **как симптом и форму психических заболеваний, при которых мышление человека и его аффективная сфера регулируются преимущественно внутренними эмоциональными потребностями и мало зависят от реальной действительности**. Аутизм, таким образом, рассматривался как **болезненная форма психологической самоизоляции**, как уход от внешнего мира в автономный мир внутренних переживаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.